

18+

Кодекс ученика

Денис Сажнов

Денис Сажнов
Кодекс ученика

«Издательские решения»

Сажнов Д.

Кодекс ученика / Д. Сажнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512275-9

Повесть основана на реальных событиях и целиком сшита из пассажей ученичества. Мастер, обладающий сверхъестественной силой, начинает экспансию своей Школы в Москве. Школа — самое ужасное и самое прекрасное, что может случиться в жизни человека. Спасаясь от обыденности мира, Костя с головой погружается в её магическую реальность, где его ожидают нелёгкие испытания. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-512275-9

© Сажнов Д.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	Законь открытого космоса	6
Глава 1	Врата в бесконечность	6
Глава 2	Новое имя	9
Глава 3	Я верну вам волю	12
Глава 4	Мирское и абстрактное	16
Глава 5	Развитие осознанности	22
Глава 6	Пролетит ли голубь сквозь игольное ушко?	27
Глава 7	Второй слой	30
Глава 8	Паспорт для дракона	36
Глава 9	Ухо коменданта	43
	Конец ознакомительного фрагмента.	45

Кодекс ученика

Денис Сажнов

El sueño de la razón produce monstruos

Сон разума рождает чудовищ

Испанская пословица

Редактор Анна Есенина

Редактор Евгений Викторов

Дизайнер обложки Андрей Вернер

© Денис Сажнов, 2020

© Андрей Вернер, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-2275-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1 Законы открытого космоса

Глава 1 Врата в бесконечность

В полупустом вагоне метро движется одноногий человек на костылях. Грязно-белый болоньевый комбинезон, глубокий капюшон, накинутый на голову, ярко-розовые пушистые рукавицы. К одному костылю привязана пластиковая бутылка с отрезанным горлышком. В ней позвякивает мелочь. Помни о смерти, говорит его вид.

Чувствую, существо это не из нашего мира. Может быть, проводник в иную реальность или даже сам Бог в обличье калеки. После недолгих колебаний решаюсь бросить монетку в его бутылку. Одноногий поворачивается ко мне и показывает пальцем – смотри вниз! Шнурки на моих кедах развязаны. Всё, что от тебя зависит, это лишь безупречное завязывание своих ботинок.¹ Приседаю исполнить этот старый завет, а когда поднимаюсь, одноногого нет, как забытого сна.

***

В свои тридцать с небольшим я верил в возможность физического бессмертия и магию. Зато плохо разбирался в денежных вопросах, в моде и в политике. Меня не интересовал футбол, и я понятия не имел, как делать карьеру.

Потёртые синие джинсы, стоптанные кеды, спортивная куртка – на внешний вид никогда не тратил время. Небрит, волосы всклокоченные. Внутри – искатель духа, снаружи – чудила.

Поднявшись на эскалаторе, на улице, на берегу океана безысходной серости, закурил первую за день упоительную сигарету. До прибытия «Стрелы» оставалось 30 минут. А ведь было когда-то именно так: всё вокруг представлялось ненужным и лишённым всякого смысла. Прилив и отлив в ауре пустой бестолковой жизни. Не высывайся, будь, как все! Работай, потребляй, размножайся! Институт, офис, пенсия, гроб!

Учитель показал иной Путь – Путь Сердца. Быть и лучиться в бесконечном удивлении! Я был преисполнен духовной надеждой и трепетным ожиданием. Ведь ждал я не человека – Дракона! Белого мага!

Полгода назад в Питере Эс-эН говорил мне, отхлебывая чай из бумажного стаканчика:

– По мне, так этот город – старый упырь. Душу из меня чуть не высосал. Пришлось приложить так много усилий, чтобы создать здесь поле любви!

Учитель отощал, ссутулился, голова его стала седой. Видать, и впрямь ему здесь досталось.

Меня жалили холодные капли дождя. Питерский ветер не позволял вдохнуть полной грудью.

– Этот ветер – живой! – продолжал он. – Здесь есть улица, где он дует всегда! Я каждый день приходил туда и вступал с ним в схватку. И проигрывал. Возвращался домой опустошённый, по три дня болел, не было сил подняться. Однажды я взмолился, зачем ты так со мной, что я тебе сделал? Вдруг слышу, отвечает: «Как ты ко мне, так и я к тебе! Ты боец крепкий, только я покрепче тебя буду! Оглянись! Вокруг знаки стихий, взгляды богов – Вселенная с тобой говорит. Прислушайся к её голосам! Может быть, они о чём-то предупреждают

---

¹ «Всё, что от тебя зависит – это лишь безупречное завязывание своих ботинок». К. Кастанеда «Дар Орла».

тебя?» Этот суровый ветер возвестил мне: «Пора, Эс-эН! Врата в бесконечность открылись. Цитадель Света в опасности».

И хоть голос его был тих, тягуч, казалось мне, что звучит орган. Мы стояли на пешеходном мосту, на перекрестке двух каналов.

– Знаешь, маэстро, некому теперь вращать колесо Учения, – Мастер склонил голову. – Если оно остановится, тогда этот мир окончательно погрузится во тьму. Ты находишься в точке выбора. Прими решение! Вижу, включилось твоё второе внимание. Здесь, в этом месте узел силы, центр свастики. Сформируй намерение. Ты парень талантливый, а занимаешься ерундой. Не успеешь оглянуться, жизнь прошла.

– Я с вами, сэнсэй. В мире обыденного мне места нет.

– Будь по-твоему. Реки жизни тебя услышали! В мире грядут большие перемены! – улыбнулся он.

Я верил, Учитель всё исправит, выведет из тупика, обратит время вспять, поменяет Землю и Небо местами. Я чувствовал готовность идти за ним хоть на край света.

***

В толпе прибывших я не увидел Эс-эНа и взволновался. Но, как только на платформе прекратилась суета, он появился – в квадратной кепке и в больших чёрных очках, почти наполовину скрывающих лицо. Он плыл по перрону, переваливаясь по невидимым волнам пространства, огромный светящийся шар энергии.

– Привет, Кость! – сказал Эс-эН. – Ты какая кость? Бедренная или, может, подвздошная?

– Я – шейный позвонок. Атлант!

– Атланты держат Небо. Атлант – единственный позвонок, не имеющий своего тела. А вот второй шейный позвонок, Эпистрофей, имеет тело. Атлант на нём вращается. Где же твой Эпистрофей?

– Вы про Марту что ли? Ждёт на стоянке. Бойтся вас. Какой из неё Эпистрофей! – я криво улыбнулся.

Эс-эН закурил, покачивая головой в такт одному ему слышимой мелодии:

– Ну, что, Костя, будем Марту раскручивать?

– Конечно, будем! Она теперь только об этом и мечтает! Думает, что вы как дон Хуан.

– Так оно и есть. Дон Хуан чуть-чуть до меня не дотягивает!

Я хотел засмеяться, но смутился, не заметив и тени улыбки на лице Мастера.

На выходе из вокзала клянчил мелочь вонючий бомж. Эс-эН вытянул из кармана пяти-тысячную купюру и отдал ему. Я ужаснулся:

– Вот ведь! Бичу счастье привалило!

– Это не просто бич, маэстро! Это дух Москвы меня встречает. Я его умиловил. Теперь нам будет сопутствовать удача.

Я коротко поклонился:

– Ос!

Марта ждала нас возле своего нового красного «гольфа», девчонка из каталога Отто, сиявшая благополучием, загорелая, крепкая, ладная.

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная? – вкрадчиво спросил Эс-эН.

– Тепло, батюшка!

Я уложил чемодан в багажник. Мои уши горели. Мастер сел на переднее сиденье, достал две сигареты, одной угостил меня.

– Здравствуй, Москва! – Эс-эН выдохнул ароматный дым в приоткрытое окно, – Скажи, Костя, какая она для тебя – Москва?

– Беспощадная. Я, когда приехал, каждую ночь молился. Здесь взрывали дома. Потом эти гигантские расстояния, толпы, холод, грязь! Думал, повешусь! Два года как червь извивался. Наверное, это испытательный срок был. Потом появилась Марта и всё наладилось.

– Москва – огромный котёл, маэстро, – продолжил Эс-эН. – Небо здесь плотно крышкой закрыто, Земля снизу запаяна. Сюда приезжают люди со всего мира – каждый со своим намерением. Но как только они оказываются здесь, все их намерения идут в бульончик. Этот котёл держат сильные Маги. А так он давно бы уже провалился, уж очень тяжёлый он. Они знают, что я здесь. Теперь вам нужно быть в два раза бдительнее и в десять раз безупречнее.

Эс-эН потушил окурок в дверной пепельнице и стал складывать мудры, больше дюжины их сотворил, и пробка на дороге сначала раскрошилась, а затем и развеялась, словно по волшебству. Повеяло холодком. Эс-эН жил в соприкосновении с тайной сутью бытия. Вокруг него сгущалась магия. И к этой магии мне хотелось причаститься.

Но внутри меня билась связанная, мятежная мысль: не суйся, не лезь к этим гудящим проводам!

Мой Путь – Путь Сердца и Приятя. Мой Путь – соответствие Духу и внутреннее Согласие. Мой Путь – быть и лучиться в бесконечном Удивлении.

(из Кодекса Ученика)

Глава 2 Новое имя

Консьерж с праздничным лицом, похожим на каравай, украшенный кренделями усов и лепной улыбкой, наклонился чуть ли не к самой кнопке и вызвал нам лифт. В зеркальной кабине множились отражения Эс-эНа. Я видел настороженного, в ожидании подвоха старика и наглого кочевника, который решил мимоходом ограбить презренный городок.

Эс-эН обошёл просторные комнаты и рассмеялся:

– Хорошо устроились! Так бы взял и отобрал!

Я вспомнил недавний разговор с матерью Марты – Ольгой Альбертовной. Её фразы звучали подобно проклятиям: «Ты губу-то не раскатывай! Всё равно здесь жить не сможешь. Не по Сеньке шапка!»

Посмотрим. Теперь-то Сила на моей стороне.

– Нет у вас культа кофе, – поморщился Эс-эН.

Он сидел с ногами в высоком кресле на кухне и крутил на пальце тесёмку. Я тут же вызвался сбегать в магазин.

– Зачем бегать, маэстро?! Если есть Ось, всё само к тебе прибежит.

Он бросил исподлобья опасливый взгляд на деревянную птицу счастья с резными крыльями, кружившую под плафоном, и закурил.

– Смотрю я на тебя, Марта, и не вижу, – сказал Эс-эН, попыхивая сигаретой.

– Как это? – удивилась она.

– Пока не вижу! Почему я должен взять тебя в обучение? Что в тебе есть? На кой ты мне сдалась?

– Вы ведь будете у меня жить!

– Хорошая девочка, я благодарен тебе. Но душой своей за кусок колбасы платить не стану. Обмен должен быть равноценным. За Дух – Духом, за Душу – Душой. Если решишь задачку, так и быть, приму тебя в обучение.

Марта кивнула.

– Возьми свою обыденность и положи на стол.

Марта растерянно моргнула. Эс-эН сосредоточился на мне:

– Как вы пообщались с Лёней?

Я отвёл глаза.

– Мне не нравится то, что происходит между вами. Мои ученики не должны враждовать попусту.

– Он невыносим, сэнсей!² Самоутверждается на каждом шагу. В кунг-фу он лучший, это факт, но как человек – дрянь. Только о себе думает. Свои амбиции тешит, а Школой прикрывается.

– У вас с ним богатая личная история. Долги надо отдавать.

– О чём речь?

– Не помнишь?

– Не-а.

***

---

² Не смотря на то, что в Школе практиковалось китайское искусство кунг-фу, в то же время, терминология и ритуал заимствованы из японской традиции каратэ: «додзо», «сэнсэй», черный пояс, приветствие «Ос», сигнал к прекращению поединка «Ямэ» и т. д. Вероятно, это связано с личностью Мастера, который в молодости увлекался каратэ. Кроме того, вибрационная частота японского языка, по его мнению, способствовала развитию дисциплины учащихся.

Раньше Лёня был тонким беспечным юношей. Но за семь лет он превратился в мрачную глыбу. Теперь он во всём подражал Мастеру, копировал его походку, мимику, интонации. Может быть, Мастер прочит его в преемники? Или готовит себе новое тело, ведь прежнее необратимо состарится? Я ревновал.

– Я должен осмотреть вашу квартиру, – Лёня застыл передо мной, серьёзный, как терракотный воин. – Подготовить место для сэнсэя.

– В этом нет необходимости. Квартира в порядке.

– Ты всего лишь послушник, поэтому даже понятия не имеешь, что значит «в порядке».

– У тебя опасная миссия. Ты рискуешь быть посланным в жопу, Лёня, – усмехнулся я.

– Ого! Ты такой значимый! Не пора ли проверить себя на татами? – он сцепил пальцы и хрустнул ими.

– Как-нибудь в другой раз, – я на всякий случай отступил на полшага.

– Правильно, кунг-фу не для всех!

***

– Да знаю я, – протянул Мастер. – Я сказал ему: «Ты, Лёня, можешь быть тем, кто ты есть – вредина и гнус. Только служи Школе. Тогда твоё существование оправдано». Его сущностное имя Волк. Это Сила! За Школу любому горло перегрызёт. Лёня знает свою тень. Ему незачем притворяться и лицемерить, он такой, какой есть, и он не подарок. А ты знаешь свою тень?

Я задумался. Что там, в моей тени? Кто в ней томится?

– Кажется, я поняла, – объявила Марта.

– Интересно! – Мастер повернулся к ней. – Что же ты поняла?

– Вся моя жизнь – это сплошная обыденность. Я и есть обыденность!

– В некоторых школах Дзен за каждый неправильный ответ ученик получает палкой по голове. Но у меня пока нет палки, а у тебя пока нет головы! – рассмеялся Эс-эН.

***

Я отлучился в туалет. Открыл кран, отщипнул от куска кропалик, сплющил, начинил трубочку и, щелкнув зажигалкой, втянул пряный дым в лёгкие. Мысль легла в экзистенциальное русло. Кто я в масштабах Вселенной? Лишь точка, существующая меньше мгновения, искра в мире огромных звёзд. Но что-то ведёт меня, я чувствую, кто-то высший заботится обо мне, ведь у меня есть цель, предназначение.

Я вспомнил, когда мы были в Питере, Мастер увидел оседлавшую меня старуху-мысль о неотвратимости смерти, отравлявшую моё существование. Какой смысл в этой жизни, если нам придётся умереть, почему так страшно всё устроено?

Эс-эН внезапно сильно стукнул меня ладонью между лопаток, у меня перехватило дух. Электрический импульс прошёлся по позвоночнику. Сознание прояснилось.

– В этом мире ничего не имеет значения, – произнёс Мастер. – Смерти нет. Тело – это кимоно. Износилось – поменял и продолжаешь тренировку.

Затем Эс-эН подвёл меня к многоэтажке из красного кирпича, велел встать на углу дома и посмотреть вверх. Вертикаль пронизывала мешковину неба. В мои глаза сыпалась дождевая пыль. Из стены кое-где торчала ржавая арматура. Дом всей массой навалился на меня. Закружилась голова, я отшатнулся и прохрипел:

– Что это?

– Это гора твоих представлений о самом себе, – ответил Эс-эН. – Умри без сожалений. Сколько тебя помню, ты постоянно проигрывал. Но это не навсегда. Ты заново родишься

в Школе. Научись побеждать. Твоё новое имя Костас означает «кость Аса», пусть оно послужит тебе. Все наладится, вот увидишь.

***

Я вернулся на кухню медленный и мягкий. Эс-эН и Марта сидели в плотном дыму.

– Признавайся, у тебя там крылатый унитаз? – спросил Эс-эН.

Я истерически расхохотался. Лицо Мастера внезапно приблизилось, и я отчётливо услышал проникающий шепот:

– Что, маэстро, травка живот щекочет?

Затем это треугольное лицо с татаро-монгольскими скулами и низким лбом растворилось в дыму. Неужели прознал?! Я сосредоточился. Мой ум шутит со мной, или вправду, от Мастера ничего не утаишь.

Эс-эН асимметрично улыбнулся.

– Марта, пора дать ответ, – произнёс он. – Положи свою обыденность на стол!

Марта вышла в другую комнату и вернулась со своей зачёткой в руках. Положила её на стол.

– Ого! – воскликнул Эс-эН, листая синюю книжицу. – Этот вариант ответа выглядит интереснее. Финансовая академия! И ты – твёрдая хорошистка? Принимается! Это прямой путь в обыденность, – он вдруг с силой ударил книжкой плашмя о стол, а я сжался в испуге.

– Так называемое образование – это коллектор, в котором молодым людям массово прививают обыденное мышление. Вот ты живая, светящаяся сидишь сейчас передо мной. Человеческая жизнь мимолётна. Потратить её на обыденность значит, выбросить на помойку. Обыденность – это смерть. Разрешаю тебе в академию больше не ходить! Пусть мёртвое отправляется к мёртвому, а то, что останется жить, обретет иную судьбу! Слушай, слушай! Есть три аспекта, три: Школа, Путь и Сердце. Больше нет ничего!

Мастер прижал большой палец ко лбу Марты и прошептал:

– Отныне твоё сущностное имя – Троица!

В этот момент аура Марты вспыхнула цветным кружевом.

Иди не к тем, кто много обещает.

Иди не к тем, кто в тебе нуждается.

Иди не к тем, кто тебя ценит.

Иди к тем, кто тебе Рад!

(Из Кодекса Ученика)

Глава 3 Я верну вам волю

Эс-эН спрятал нас в капсулу — нарисовал на стенах таинственные знаки, на дверных ручках повязал чёрные тесёмки, на пороге спальни приклеил красную изоленту, над входной дверью укрепил здоровенный кухонный нож. Порядки в этой капсуле установил свои, непонятные и обременительные. Меня назначил бессменным дежурным по уборке.

– Кунг-фу начинается с мытья полов, – сказал Эс-эН.

– Спина болит.

– Путь самосовершенствования – сплошная боль.

На сон выделил не более четырёх часов в сутки. Зубы приходилось чистить не пастой, а зубным порошком, который Мастер готовил сам, смешивая соду, соль и толчёный мел.

Однажды я поставил наш с Мартой любимый «Cafe del mar».

– Выключи это, — скривился Эс-эН, — неорганическое звучание. «Modern talking есть?»

***

Мастер взялся готовить вегетарианский машкичирик. Нарезанная зелень в казане приятно шкворчала.

– Слышите этот звук? — поднял палец Эс-эН. — Чих-пых. Запомните его – это признак, что всё идёт, как надо.

Он опустил в казан лук. По кухне распространился дивный аромат.

– Хотите, проведу чайную церемонию? — не удержавшись, прихвастнула Марта.

Он её инициативу срезал, не глядя:

– Это с маленькими чашечками? Мерность у них в Китае совсем иная.

Затем опустил в казан морковь и, покосившись на меня, произнес:

– Веры в тебе мало, Костас. Ты позволяешь сомнениям взять верх. Сомневаешься в Школе, во мне. Да ты и в себе самом сомневаешься. Поэтому ты до сих пор везде наполовину. Наполовину ученик. Наполовину друг. Наполовину муж.

– Обидные вещи говорите, сэнсэй, – выдавил я.

– Обижайся на здоровье. Ты не войдёшь в пространство мифа без веры, не постигнешь тайны открытого Космоса. Глупо было бы упустить великую возможность, не поверив в её существование. Вот скажи, маэстро, ты Марту любишь?

– Конечно, я люблю её! Странный вопрос!

– А Марта тебя?

Я замялся. Но лебедь моя подошла ко мне, обняла.

– Люблю! Не сомневайся!

Эс-эН неторопливо отправил в казан маш, тщательно, округлым движением пальцев вычистил миску, собрал всё до последнего зёрнышка, и, помешивая зирвак, проговорил:

– Бывает, Великий Дух подшучивает над людьми, ставит их в условия, когда правда выходит наружу, а всё тайное становится явным и для самого человека, и для окружающих. Мы в Школе называем это шутэном³.

***

На вторые сутки без сна зевота разрывала мой рот, но я боролся с ней. Вдобавок вырубилось электричество. Марта принесла свечу.

---

³ Слово «шутэн» изобрел Ю. Вяземский в повести «Шут».

– Вы спите не только ночью, вы спите и днём! — нависал Мастер. – А вы попробуйте не спать! Тогда, может быть, вы увидите необыкновенные вещи! Например, что Солнце на самом деле вовсе не газовый шар, как вас убедили, а река света. А людям глаза от этого отводят.

– Кто отводит?

– Да есть умельцы!

Мы оказались на маленьком островке света, парящем в чёрной пустоте. Пляшущий огонёк свечи отражался в глазах Мастера. Его лик, как икона, от которой я не отводил глаз, молился и дрожал от страха. Нас окутывал липкий туман, в котором ворочались какие-то глыбы — громадные тела монстров.

– Внутри вас, в вашей глубине запрятаны неисчерпаемые источники силы, — наставлял Эс-эН. — Чтобы добраться до них, вам надо стать тяжёлыми. Сейчас вы лёгкие, как поплавки. Чем больше вы стремитесь погрузиться, тем сильнее вас выталкивает на поверхность. Вот мы с Маргаритой достигли предела глубины: три ночи подряд никто не выдерживает, все проваливаются в небытие. Мертвые поднимаются, дырку между мирами прогрызают. Сначала кажется, вокруг океан энергии! Волны набегают, то любовь, то ненависть. Но вдруг пространство съёживается, и нет никакого океана, всё обман. А что не обман, что настоящее? Только мы вдвоём с ней настоящие. Её глаза, мои глаза, её дыхание, моё дыхание. Шесть суток без сна, предела нет. И смерти нет. Марго – Жар-птица, я — Белый Дракон. Вот такая вот самоидентификация.

***

Сон наваливается тяжёлый, дряблый, вездесущий. Нет от него никакого спасения. Я страстно желаю распластаться. От чая, кофе и сигарет опух язык, саднит нутро. Гашиш больше не действует.

В меня упирается угол кирпичной высотки. Встаю из-за стола, совершаю ритуальный поклон:

– Сэнсэй, я больше не могу. Сдаюсь.

Ловлю на себе взгляд Марты.

– Конечно, иди, зачем насиловать себя? — понимающе отзывается Эс-эН.

Но вдогонку роняет ледяное напутствие:

– Тем, кто ложится спать – спокойного сна.⁴

***

Я не оставлял попыток преодолеть эту стену. Мне не хватало оснащения, какой-нибудь страховки – всякий раз соскальзывал и летел вниз, а за мгновение до того, как удариться об асфальт, засыпал сладким сном. Но однажды неведомая тяга помимо моей воли легко подняла меня над преградой, казавшейся непреодолимой. Впервые я не хотел спать, и чувствовал себя на голову выше, чем был прежде.

Дни и ночи мы проживали странное. Вместо головы я ощущал полыхание огня. Солнце за окном вновь и вновь вставало, и садилось. В какой-то момент я увидел, Солнце и вправду река!

Эс-эН был неутомим. Иногда он закрывался у себя, а механизмы его волшебной мельницы лишь чуточку замедлялись, но не прекращали перемалывать зёрна наших сомнений в муку. Мы с Троицей не могли переброситься даже словечком, хоть и возникал небольшой зазор, словно одержимые, продолжали вращать каждый свою шестерёнку. Через полчаса или

---

⁴ «Тем, кто ложится спать – спокойного сна». В. Цой «Спокойная ночь».

час Мастер возвращался посвежевшим, нажимал рычаги и запускал жернова с новой силой. Внутри него работала ядерная печь. Она обдавала наши нежные души радиоактивным жаром. Мы были обречены.

Но однажды Эс-эН не вышел из своей комнаты. Мы, затаив дыхание, прислушивались у двери, но постучать не решились.

В то бесцветное утро за окном пели птицы, шуршал метлой дворник. Мы добросовестно ждали, но Эс-эН не появлялся.

– Это все странно, – сказала Марта. — Чушь какая-то!

– Что – чушь?

– Я как будто не я. Заснула за рулём и вижу сон, что мы вот-вот врежемся.

– Идёшь на попятную?

– Тебе не кажется, что он косный? – продолжала она, не услышав вопроса.

– Он настоящий, последний в своем роде. Он держит Небо и знает Путь. Ты просто устала, лебедь.

– Теперь я – Троица. Не забывай об этом.

Мы включили какое-то кино, закутались в плюшевый плед и под мелькание экрана заснули, беззащитно белые на красной тахте.

***

Утром сигаретный дым вьелся в мой сон, заставил проснуться. Щурясь, я вошёл на кухню. Эс-эН сидел в кресле неподвижно. Круглый стол зарос немывтыми чашками, зацвёл шапками переполненных пепельниц. Я ринулся убирать всё это, но Эс-эН энергично взмахнул рукой – не надо!

Его тихий голос потянул из меня жилу:

– Служение должно быть искренним. Невозможно всю жизнь притворяться. Кто ты?

– Я? — Костас.

– Костас — ученик Мастера, а ученик всё делает от сердца. Костас – от слова Ос!
А кто ты?

Я знал, что не могу быть кем-то конкретным, что в самой своей глубине я неизвестно кто — инкогнито. Страх разоблачения сотряс меня изнутри, мне казалось, вот-вот блевану.

– Эта квартира — додзо, — продолжал наматывать Эс-эН. — Для ученика Мастера поддерживать чистоту в додзо – это честь. Знаешь, что такое честь? Расшифровывается, человек есть. Кто честью не обладает, тот не человек вовсе. Животное. Ты животное?

– Я животное.

– Думаешь, Путь – это игра? Когда задействованы такие силы, небрежность может привести к гибели. Измерь, что в тебе сильнее. Кто ты? Человек Пути или праздный тусовщик? Если ты тусовщик, значит в этом твоя сила. Признай себя таким, и тогда ты будешь настоящим. А если ты человек Пути, значит Путь – твоя сила, и ничего, кроме Пути у тебя нет. Соберись! Стань плотным!

– Я выбираю Путь. За этот хаос прошу прощения. Сейчас же уберу всё.

– погоди. Сядь!

Мы сидели молча минут двадцать. Вошла Марта, простодушно улыбнулась и сказала:

– Доброе утро!

– Солнце восходит каждое утро. Ни разу оно не попросилось в отгул. Каждое утро восходит, каждый вечер заходит. Благодаря ему, все утра добрые. А что сделала ты, чтобы это утро стало добрым?

Нахмурилась Марта, молчит. Знакомое мне молчание. Голыми руками её не взять.

– У тебя какая ступень в Школе, Костас?

– Первая.

– Первая! Так значит ты – послушник. А Марта понятия не имеет о послушании. Твоя недоработка. Если хотите научиться чему-то, вам надо научиться слушать.

Теперь и я замолчал. Плотный пузырь тишины стремительно вырос и вдруг лопнул. Уши мои заложило. Мастер сказал:

– Вы думаете, я посягаю на вашу волю? Да было б на что посягать. Нет у вас воли! Отняли ещё в детстве. Сеть поработила вас. Поэтому вы такие неудачники. Я пришёл вернуть вам волю.

Мне так кажется, или глаза его действительно полны слез? Никогда ещё я не видел Мастера таким. Я с трудом удержался, не бросился ему в ноги и не стал вымаливать прощение. Очень хотелось сделать это. Однако, глаза его высохли, а голос опять давил на моё темя:

– Если Мастер станет учить тебя, Костас, как правильно ходить по малой нужде, делай, как он говорит. Может, от этого зависит твоя жизнь. Если тебе, Троица, Мастер скажет петь гимн России по утрам, будешь вставать и петь, какой бы бессмыслицей это тебе не казалось. Поняла меня?

– Ос!

*Сила всегда была с тобой,
Ты просто забыл и закрылся.
Отбрось стремление к мелкому обладанию,
Откройся Силе
(из Кодекса Ученика)*

Глава 4 Мирское и абстрактное

– Я странствующий маг, Эс-эН. Мир вашему дому! — Мастер протянул хозяйке белую розу, купленную по дороге.

– Александра, — она кокетливо вздрогнула. — Рада знакомству.

– Александра — мирское имя. А духовное пусть будет Рада. Не возражаешь?

– Почему бы и нет! Проходите.

В прихожей скулили собаки. Александра выпустила их во двор. Мы вошли в двухэтажный таунхаус — бывшую мастерскую скульптора.

Хозяйке было, наверное, под пятьдесят. Она слегка сутулилась, как от холода. Покрашенные в каштановый цвет волосы были любовно уложены в ошеломительный сноп. Её аура навевала мне образ чашечки кофе с корицей. Мы спустились на кухню – в просторный полуподвал. Здесь на диванах вольготно разлеглись кошки, белая и чёрная. У выходящего в приемок окна гулко бурлил огромный аквариум с золотыми рыбками.

– Вы, надеюсь, не будете стрелять у меня в доме? — кротко спросила Рада.

– Выстрел уже сделан, – ответил сэнсэй. — Цель поражена.

– Вот как? Вы напоминаете мне одного человека. В 90-х годах он пришел ко мне, подарил точно такую же белую розу и галантно попросил вернуть деньги, которые якобы задолжал мой муж. Никаких денег у меня, разумеется, не было. Он достал пистолет и выстрелил вот в эту стену.

– Ты мне ничего не должна. И я на твоей стороне. Хочешь, исполню любое твое желание?

– Даже не верится. Я слышала о вас что-то такое.

– Смелее.

– В таком случае, я хочу ещё раз пережить настоящую любовь. Это возможно?

– Вещество любви, наиболее востребованное. Посмотрю, хватит ли того, что на мою миссию выделила небесная канцелярия...

Пока Мастер наводил мосты, мы с Мартой поднялись по лестнице, чтобы осмотреть дом. В углу зала находился камин, похожий на вышколенного дворецкого. Я был изумлён. Может быть, поверхность мира пошла складками и маленькая прибалтийская кирха, столкнувшись с частным домом в Москве, оставила в нем эти высокие витражные окна и огромный пролёт второго этажа!

– А это что за гадость? — Марта брезгливо поморщилась — на стене растянута была кожа питона. — Мастеру это не понравится.

Она оказалась права.

– Кожу придётся снять, — сказал Эс-эН.

Сначала Александра не горела желанием снимать кожу. Мастер объяснял:

– Видишь ли, Рада. На встречах могут присутствовать люди, тотем которых змея. Это вопрос этики. У моих студентов вместо пробуждения возникнет когнитивный диссонанс.

В свои шёлковые интонации он заворачивал стальную уверенность в том, что хозяйка примет его условия, и он лишь растолковывает ей смысл происходящего. Так он творил реальность и так преуспевал. В итоге, Рада решила не только кожу снять, но и уважительно похоронить её, хотя земля уже была мёрзлой. На самом деле никому не было интересно, что с этой кожей станет потом.

***

Эс-эН пользовался сарафанным радио, которое охватывало вещанием все социальные этажи. Он учил: слухи – это искусство войны, маэстро! Сумеешь запустит слух, ты в шаге от победы.

Тусовка человек в тридцать, все московские «васьки», гудела по дому, а чёрные пояса, ближайшие ученики Эс-эНа, как овчарки, незаметно собирали людей в кучу. В поле вдруг возникла точка повышенной плотности, гравитационный центр, и слушатели начали расслаиваться в гостиной на полу и на лестнице. Голоса умолкли. Слышен был только один голос – тихий, протяжный, звучащий как будто в моей голове, озвучивающий мои мысли:

– На мир нисходит величайшая сила. Нас к чему-то готовят, и спрятаться от этого некуда, хоть в Африку езжай, хоть в Антарктику. Пространство подстёгивает нас к развитию самыми разнообразными способами. Наверное, там, наверху, коллегия собралась и решила, раз мы не хотим добровольно расти, значит, в принудительном порядке нас заставят это сделать.

Мастер восседает на большом пуфе, величественным цветком лотоса среди невзрачных кувшинок.

– Когда у нас что-то болит, мы осознаём это. Печень болит, печень осознаём, голова болит – голову, сердце ноет – сердце. Душа болит, значит, её осознаём. Если не болит, многие и не знают, где печень находится. Если бы мы взяли за осознание, как за ежедневную необходимость, то нас избавили бы от боли. А сейчас Вселенная нам открывается через страдание. Струны тонкого мира стали вибрировать столь интенсивно и так накаляться, что плотный мир буквально плавится у нас на глазах. Войны, катаклизмы, эпидемии — это только цветочки. Впереди такие вызовы, о которых сейчас человек даже и помыслить не может. Наступает эпоха великих перемен.

– Не пугайте, пуганные мы, – выбросилась неучтивая фраза и мелкой рыбёшкой забила у ног Мастера.

Он её разглядывал, дожидаясь, пока она затихнет, затем продолжил, чеканя каждое своё слово:

– Да, это правда, вы пуганные. Травмированные, контуженные. В самом раннем детстве у вас отняли вашу волю. Принудили подчиняться идиотским законам. Жить по нелепым правилам. Но есть способ вернуть её. И если вы сделаете это, тогда вам станет ясно, что живёте вы в открытом космосе, ребята. А в открытом космосе действуют иные законы.

– Что за способ? Какие законы?

– Я расскажу, — отвечал Эс-эН. — Только бесполезно это. Всё равно не станете соблюдать. Из космоса вас не видно. Вас попросту нет. Для того, чтобы вас заметили, необходим сигнал о том, что вы есть. Нужно действие силы – подвиг, отдача. Как бы заявка на рассмотрение. Вот скажите мне, почему вас должны заметить боги?

– Вы говорите о заслугах?

– Заслуги? Я о другом. Об установлении прямой связи с Духом.

– Вы что имеете в виду? Медитацию?

– Вы правда медитируете? Это модно? Создаётся столько суеты вокруг этого! Куда ни глянь, везде сатсанг. Нынче духовность – это бизнес или развлечение. Ваша возня не имеет ничего общего с настоящей практикой. Наберитесь смелости и загляните внутрь себя. Один такой прямой взгляд заменит десятки семинаров и сотни умных слов. Поймите, всё, что нужно человеку, это только намерение. Оно порождается не добром и злом, а чем-то превыше добра и зла – Осознанием.

– Что такое осознание?

– Никакое описание не сравнится с прямым переживанием. Чтобы пережить Осознание, необходимо совершить действие силы. Кто из вас готов рискнуть?

Эс-эН подождал – многие тянули руки, кто-то выкрикнул: «А зачем мы здесь?»

– В наше время слова потеряли силу, — сказал Мастер. — Сегодня у вас настроение одно, а завтра другое. Сейчас вы готовы, а завтра? Чем вы рискуете? Что ставите на Кон? Вот договор с подписью и печатью, это уже документ. Уже вы никуда не денетесь. Настроение, погода, кризис не смогут служить оправданием. Хочешь не хочешь, а придётся соответствовать!

Один из черных поясов, безумный Осман, принёс из кухни разделочную доску и большой узбекский нож пчак. Мастер воткнул нож в доску, задрожала рукоятка.

– В прежние времена за несоблюдение договора казнили. Хорошие были времена. Солгал – смерть, нарушил дисциплину – смерть, криво улыбнулся – тоже смерть. Но времена изменились. Неправильно отнимать у человека жизнь, даже если он сам растрчивает её впустую. Но всё же у него должна быть какая-то мотивация. Вдруг он захочет пропустить занятие... Речь пойдет всего-то о пальце. О мизинчике на левой руке. И даже не о целом пальце, а о ногтевой фаланге.

Эс-эН потрогал кончик мизинца кончиком большого пальца и поморщился из-за ничтожности жертвы.

– Если вы по какой-то причине нарушите договор, Осман отрежет вам фалангу мизинца.

Сгустившаяся тишина, как ватная прослойка, изолировала каждого находящегося в аудитории и заставила осознать себя, что он есть. Аура Османа подействовала на слушателей тонизирующе. Его внешний вид напоминал страшноватую сказку про огров: руки свисали до колен, голова была такой же формы, как гитарная тыква, а глаза отливали бледно-голубым помешательством.

Совсем недавно мужчины и женщины похвалялись, заигрывали, важничали. И вдруг такое. Посыпались возражения:

– Это дикость! Средневековье! Мы ведь цивилизованные люди.

– Согласен, этот метод не для каждого. Возможно, не для вас, — легко уступил Эс-эН. — Но тогда, как и принято в цивилизованном обществе, предложите что-то адекватно-соизмеримое. Не знаю. Машина, квартира, счёт в банке. Что у вас есть?

Сделалось очень тихо.

– Вам нечего мне предложить. У вас есть только материальный ресурс, да и то – хилый. Я поставил на Кон свою жизнь. Своё мясо. Если Школа погибнет, то и я погибну вместе с ней. Меня не будет. А вы останетесь. Вы будете всегда – обыватели, потребители, миряне.

Мастер продолжал:

– Школа – это самое прекрасное и самое ужасное, что может случиться в жизни человека. Сытость и довольство даётся в одном из трёх воплощений, настоящую любовь надо ждать пять жизней. Мастер на твоей дороге появляется в десять раз реже, а Школа — один шанс из тысячи. Много званных, но мало призванных. Если хоть один из вас что-то понял, это большая удача!

– Что вообще происходит? — он вопросительно посмотрел на Лёню Скакунова. — Нож, доска, договор какой-то! Собрались друзья, сидим, пьём чай, философствуем!

Эс-эН рассмеялся, без тени смущения показав коричневые от курева зубы.

***

Вечером, когда все разъехалась по домам и остался только наш сущностный круг, близнецы Сева и Рева разожгли камин. Они не полностью открыли заслонку и потянуло дымом. Когда-то я знал их несуразными подростками. Сейчас это были кулачные бойцы богатырского телосложения, двое из ларца. Они затеяли возню с собаками, катались в обнимку с ними по полу, то и дело взрывались хохотом. Я довёл рычажок заслонки до конца и сдуру решил урезонить их:

– Тихо! хватит ржать!

Эс-эН поправил меня:

– Они не ржут. Они куражатся.

Зашипело и с треском лопнуло берёзовое поленце.

– Маэстро, почитай нам второй раздел, – сказал Эс-эН, обратившись к сухощавому Марку.

Намеренно зацепил меня этим. Мастер ничего не делает случайно. Хотя Марк и работал ведущим на радио, я считал себя более опытным чтецом.

У Марка повязана на голове ленточка сэмпая Школы. В Ташкенте он как-то словчил и выиграл по очкам бои на это звание. Но я знал, что никакой он не сэмпай. Фактически, сэмпаем являлся Лёня.

Марк достал из сумки книжицу Кодекса.

Мастер

Благодарность Мастеру – это не услужливость и отработка отношений, благодарность – это глубинное доверие Миру и Природе.

Не сомневайся в Мастере, ибо ты ещё не дорос до понимания его поступков. Мастер не умещается в клише твоих представлений из книжек, фильмов и басен.

Не огорчайся, если Мастер тебя не хвалит и не уделяет тебе внимания, возможно, весь спектакль, который он устраивает, это организованное представление только для тебя одного.

Мастер не нуждается ни в чьей компании, а тем более, возможно, в твоей. Но если он зовёт, то надо быть быстрее ветра, ибо он редко зовет дважды.

Пытаясь превзойти своего Мастера, ты совершаешь ошибку. Даже если ты добьёшься успеха, твоя победа может в любой момент обернуться провалом.

Если окружающие высмеивают тебя за подражание Мастеру – это всего лишь признак того, что ты внемлешь духу Школы и следуешь Дао своего Сердца.

Мы ждали, но Мастер не торопился комментировать текст. Подруга Марка Тося ёрзала на стуле, рисовала петлю ногой, рассматривала потолок, вздыхала — черноглазая скво, одетая в этническое платье с вышивкой и бахромой. Её сущностное имя было Асоль. Она впервые оказалась на сборе Сущностного Круга.

На семинаре во время перерыва я стал свидетелем, как близнецы, распушив хвосты, принались было токовать при виде Асоль, но Мастер негромко хлопнул в ладоши и развеял их ухаживания мгновенно.

– Это оскорбление Духа Школы! — произнёс Эс-эН, показав на мой пояс, который валялся на диване. — Пояс – это предмет Силы, отношение к нему отражает отношение к Силе. Шутки с Ней не приводят к добру.

Я поспешно сложил пояс и убрал его в сумку.

Голова Эс-эНа покачивалась, огонь в камине колебался, отражаясь в глазах. Наконец Мастер заговорил, и голос его гудел как в трубе:

– Скоро люди очнутся от внутриутробного сна. Мир сожмётся вокруг них, станет давить, душить. Тьма захватит Землю. Последний форпост, Цитадель Света, падёт. Но откроется узкая горловина, через которую мы уйдем, чтобы родиться в многомерной реальности. Ребята, вы – избранные. Вы записаны в Нефритовом Свитке Дракона. Вы — Сущностный круг. Эти люди, –

он показал пальцем на дверь, – миряне, и они ничего не знают о Цитадели Света, о той битве, которую мы ведём. Может, им и знать необязательно. Они — балласт, который придётся со временем сбросить. Но среди них есть осколки Света, пойманные в Сеть. Наша задача их выявить и освободить. Что такое Цитадель Света? Это не здание и не организация, это конгломерат полей: энергии, любви и смысла. Только внутри них можно сохранить осознание, уберечь от растерзания свою душу. Дух не случайно выбрал вас. Вы те, кто способны к генерации этих полей. Вы станете творцами нового мира, но для этого вам нужно много работать над собой. Договор намерения, о котором шла речь, не для этих мирян составлялся. Заключать его я буду только с вами.

Эс-эН умолк. Рада смотрела на него неотрывно, изучающе, с признаками легкого сомнения — чуть поднялась бровь, шевельнулись губы, предвещая улыбку, но вдруг Мастер вперил в хозяйку твердый сине-стальной взгляд. Та вновь, как и во время знакомства, вздрогнула всем телом, словно нарочно демонстрируя свою чрезвычайную чувствительность.

В этот же самый миг я почувствовал на себе чьё-то внимание и повернул голову. Лёня Скакунов наблюдал за мной и, вероятно, видел, что я слежу глазами за Мастером и Радой. Вот, сволочь!

– Палец – не голова. Вон Осман живёт же! — заметил Марк.

– Чего уставились? Это производственная травма! – Осман нахмурился и спрятал руки подмышками.

Я и не знал, что на его левой руке не хватает мизинца.

Эс-эН открыл свою чёрную кожаную сумку, достал из неё папку, затем в его руках появился лист с текстом.

И опять читал его Марк:

Договор Намерения

Не спать, когда все спят.

Не есть, когда все едят.

Не бежать, когда все бегут.

Не кричать, когда все кричат.

Не молчать о том, о чём все молчат.

Не петь то, что все поют.

Ругать то, что все хвалят.

Быть, а не казаться.

Творить, а не повторять.

Хранить верность себе.

Хранить верность соратникам.

Хранить верность Мастеру.

Хранить верность Школе.

Эс-эН подозвал жестом Троицу, зашептал ей. Внизу на кухне что-то загрохотало, оттуда донеслись повизгивания, скулёж и кошачье шипение, беспорядочно зацокали когти по плитке пола. Рада вскочила и направилась было к лестнице, но Мастер поднял ладонь.

– Останься, – голосом, исполненным любящей заботы, обратился он к ней. — Что должно произойти, то произойдёт, с тобой или без тебя. Позволь событиям случаться. Не вмешивайся, освободи свою энергию. Здесь и сейчас мы собрались заключить договор с Абстрактным! Что может быть важнее? Прошу тебя, будь здесь и сейчас. И тогда, вот увидишь, всё само собой вокруг наладится.

По растерянному лицу хозяйки я догадался, что Мастер задел какую-то её глубинную, покрытую илом корягу.

Рада вернулась на своё место, на границу пляшущих света и тени, почти превращённая Мастером в сову.

Возле камина встала Троица.

– Престиж, карьера, деньги! Мои родители пытались внушить мне, что без этого я неполноценна! — произнесла она, помахивая в воздухе развёрнутыми зачёткой и студенческим билетом. — С раннего детства меня приучали игнорировать голос моего сердца. Не хочу строить для самой себя тюрьму и сидеть в ней до конца своих дней, я на волю хочу! – и без колебаний бросила их в камин.

– С ума сошла! – восхитилась Рада, опомнившаяся и вернувшая себе человеческий облик.

Наконец-то свершилось! Языки пламени зацепились за страницы, побежали по ступенькам их углов, как штурмовики, ворвавшиеся в дом. Стремительно растущие тёмно-коричневые пятна напозли на фотографию Марты и уничтожили её. Обложки сморщились, вспенились, задымили густо и тяжело.

Троица подошла к Мастеру и поклонилась ему образцовым поклоном, змеино цедя священный звук «ОС-с!» Акупунктурной иглой Эс-эН проколол ей подушечку большого пальца. Лебедь и бровью не повела и, когда появилась капля крови, оставила под договором свой оттиск.

Мастер повернулся к хозяйке, но говорил, как будто всем нам:

– А на что способны вы, чтобы достичь своей цели?

В ту ночь мы все оставили свои отпечатки под договором.

– Вот вы попали, ребята! — рассмеялся Эс-эН, дунул на лист и спрятал его обратно в папке. — Вот вы попали!

*Осознаю себя —
вхожу в свой круг
И обретаю Дом,
в котором всем я друг.
Здесь центр Силы,
центр Бытия,
Здесь центр равновесия
Себя, Всего и Вся
(Из Кодекса Ученика)*

Глава 5 Развитие осознанности

– Спину прямо! Сосредоточься! Теперь – падай!

Он толкнул меня пальцем в лоб. Мастер учил, падений не избежать. Глупо тратить энергию в попытках удержать равновесие, когда ты уже полетел. Важно правильно приземлиться.

Я упал спиной назад с выпрямленным, как доска, телом на кипу ватных одеял. Вроде чисто, но ударная волна прилетела мне прямо в затылок. Виду я не подал.

Мастер покачал головой.

– Сева, давай, покажи, как надо падать!

– Осс!

Сева с готовностью вышел в центр комнаты, запрокинулся, но в последний момент выставил зад и плюхнулся на него.

– Эх, ты! – отечески пожурил его Эс-эН. – Подходите! Кто готов измерить свою веру?

Москвичей мы воспринимали как отдельный вид васьков, закованный в броню понтов. Марго, боевая подруга Мастера, называла их карликами в доспехах. Мелочные, – говорила она, – жмутся по каждому поводу. Если у москвича есть машина, он никогда не предложит подвезти тебя на ней. Если соберется тебе что-то подарить, то всегда это будет какой-нибудь мизер. Зато кинуть понты, это они умеют. Но сейчас непроницаемый панцирь неожиданно раскрылся, и мы увидели, что москвичи никакие не карлики, но, скорее, дети. Они падали, точно спелые груши, задницами книзу, хохотали и вскрикивали. Разгладились натруженные лбы. В комнате случилась оттепель – журчали ручейки голосов, звонко плюхались капли восторженных возгласов, птичьими трелями разносился смех. Одна только Валя, мать Тоси, похожая на сонную бурёнку, тихая, серьёзная, вышла и античной колонной повалилась на спину, ни дёрнувшись, чтобы спастись, и даже не моргнув.

– Без специальной подготовки упасть правильно практически нереально! – объяснил Эс-эН, помогая ей подняться.

Он обнял Валю за плечи, заглянул в глаза:

– Скажи честно, ты тренировалась? Нет? Удивительно! Такой веры я давно не встречал. Духом в огонь войдешь, жизнь на Кон поставить готова. Ты уже в Абстрактном, просто не осознаешь того, а жаль, вот если бы осознавала!

Мастер открыл небесные врата, и благодать снизошла на Валю. В её ауре, как в лучах прожекторов, густо сыпался снег.

– Видите, вера – это трудно, – Эс-эН вернулся на своё место и продолжил крутить тесёмку, наматывая хорошее, то и дело натягивал и отстреливался ею, избавляясь от плохого. – Это всегда шаг в неизвестность, в пустоту. Столько людей называют себя верующими, а на что они опираются, когда падают? Сначала на задницу, а уж потом на Бога.

Я не мог оторвать от него взгляда, чувствовал высочайший духовный подъём и гордость за то, что являюсь учеником этого человека, сопровождаю его, вхожу в его свиту.

– Вера есть базисное усилие, – продолжал он. – Никакое дело не свершится без веры. Ну, а где ж её взять? Оказывается, Вера и Воля идут рука об руку... Лёня! Ты еще сегодня не падал. Покажи им!

Лёня Скакунов вышел в центр комнаты, сделал поклон, развернулся спиной к подстилке.

– Убрать одеяла! – приказал Мастер.

Близнецы справились в два счёта. Теперь за спиной Лёни отсвечивал гладкий твердый паркет. Кто-то присвистнул. Окружение зияло глазами ожиданий, словно персонажи Мунка в картине «Крик». Лёня качнулся пару раз и вдруг полетел назад, как в пропасть, завёрнутым в саван трупом. Приложился плашмя всей спиной, звук был сильный.

Ух-х! Эс-эН отхлебнул из кружки чай. Лёня встал в полный рост, всем своим видом демонстрируя, что цел и невредим.

– Он научился делать это, упорно тренируясь, – сказал Эс-эН. – Это его воля и его вера. Но у вас ни воли, ни веры нет. Что будете делать?

– Есть еще смысл! – воскликнул круглощёкий высоколобый Виталик, тоже, как и мы, ташкентец, но вышедший из другой эзотерической школы. «Огненной Цветок», так, кажется, она называлась.

Виталик, похоже, вознамерился нагло пропагандировать иные, чуждые нашим идеи. В его певческом голосе чувствовался вызов.

– Интересно, – кивнул Эс-эН, – продолжай...

– На каком-то уровне мой смысл – это моя семья. На другом – это мой бизнес, а на третьем уровне – это Бог, Его промысел, который я пока еще не понимаю.

– Может быть, ты обманываешь сам себя? Твой высший смысл – Бог – существует, пока тебе выгодно, чтобы Он существовал. Я знал людей, которые проклинали своих богов. Жена, детишки, бизнес, Бог. Но подует ветер нагвалы, что тогда?

– Каждый сам волен выбирать себе смыслы. И у всех есть право на ошибку.

– Верно сказано – волен, – Эс-эН поднял палец с намотанной на нём тесёмкой. – Твоя позиция ясна. Будут еще варианты?

– Любовь! – сказала Александра. – Любовь – самое главное для человека.

Мастер закрыл глаза и, покачиваясь корпусом, мычал, наверное, с минуту. Потом напевно прошелестел:

– Любовь разлита повсюду. Только вот люди не обладают сосудами любви. Пытаются зачерпнуть, а она уходит сквозь пальцы. Есть три уровня сознания. На первом уровне нет идеи любви, но есть физическое удовольствие. На втором уровне есть идея любви, но нет состояния. Любовь воспевается. Её ищут. Вокруг идеи любви создаётся ажиотаж и торговля. А вот на третьем уровне любовь, как воздух. Мы же не поём о нём песни, не пишем стихи, мы просто им дышим. Хотите настоящей любви, поднимайтесь на третий уровень!

***

Домой мы выехали далеко за полночь. Центр Москвы наполнился пёстрыми толпами ночных гуляк, будто подсвеченных огнями святого Эльма. Я сидел на заднем сиденье красного фольксвагена Марты, который она любовно окрестила Вишенкой.

– Маэстро, пора тебе проявить себя, – нарушил молчание Эс-эН и протянул мне через плечо зажжённую сигарету. – Мы с тобой давно дружим, ты через многое прошёл. Хоть ты только послушник, но уже кое-что понимаешь. Помоги Раде влиться в наш коллектив. Стань её гидом. Или, лучше сказать, опекуном. Позаботься о ней...

– Осс!

– И ещё хочу вас предупредить. Этот парень из «Огненного Цветка», как его?

– Виталик, – напомнила Марта.

– Он агент Сети. Пришёл вносить помехи в нашу работу, жрать энергию. Не хочу, чтобы он присутствовал у меня на занятиях.

– Надо же! А ещё о Боге рассуждает! – возмущённо произнесла Марта и откинула косу, стегнув ею подголовник кресла.

– У него даже Бог обыденный, сидит там наверху, Виталику то, Виталику сё, – скрежетал Эс-эН. – Не понимаю, чем он гордится? Тем, что детей себе настругал? Или тем, что таньгу накалымил?

Я докурил сигарету до самого фильтра и обжёг пальцы. Закашлялся.

– Что такое, маэстро? – с лёгкой настороженностью в голосе произнёс Эс-эН.

– Я давно хотел спросить у вас, сэнсэй, а как вы определяете, хороший человек или плохой?

– О, это целая наука! Хоть и существует восемьдесят один признак, по которому можно понять, кто перед тобой, но самый простой и верный, это когда за руку здороваешься, если рука тёплая, значит, человек хороший. А если холодная то, значит, с трещиной, ненадёжный он, будь с ним осмотрительнее.

– Спасибо, – выдавил я, поглубже спрятав руки в карманах куртки.

«Зачем он меня поддавливает? Ведь знает, что у меня вечно холодные руки! Или забыл? Да нет, не мог он забыть. Просто указывает мне на мои недоработки». Я сосредоточился на мысленном повторении настройки первого биотона:

Обретая Путь – Обретаю Сердце.

Обретая Сердце – Обретаю Себя.

Обретая Себя – Обретаю Реальность.

Обретая Реальность – Обретаю Правоту.

Обретая Правоту – Обретаю Внутренний Огонь.

***

Следующим же вечером я приехал к Александре с бутылкой коньяка. Кроме хозяйки, в доме находилась её подруга Ольга Смородина, лет на десять её помладше, похожая на крупную гусыню. Она тоже посещала занятия Мастера, но пребывала в раздумьях.

– Ну, рассказывай, Костик, — повелела Смородина с базарными нотками в голосе, — как ты дошёл до жизни такой?

– Я не Костик вам, — твердо отбил я. — Зовите меня, пожалуйста, Константин либо Костас.

– Тогда лучше Костас, – согласилась Смородина, с такой — у-тю-тю — интонацией, словно уступала малышу. — Константин слишком длинно.

Хочет казаться воительницей, а сама мягкая, как тесто!

– Расскажи нам, Костас, кто такой Эс-эН? – попросила Александра.

– Охотно. Только давайте сначала выпьем? — я достал из рюкзака круглую бутылку с пятилетним Араратом. — А то, знаете, даже боги, и те не обходились без сомы!

Они не стали возражать. Хозяйка поставила на стол рюмочки.

– Ташкент – сокровищница учений. Такое место, если ты в теме, то тебя обязательно приведут к учителю, — начал я. – Необходима была рекомендация, без неё Мастер мог и не принять. Про Эс-эНа говорили, что он белый маг. Мы с другом к нему пришли, попросились в обучение, а он назначил нам испытание болью.

– Болью? — Александра надломила бровь.

– Вообще, раньше мастера так и поступали – испытывали перед обучением. Не то, что сейчас – деньги есть, значит, ученик. В духовном продвижении без умения работать с болью не обойтись. Он поставил иглы нам в уши. Настоящая симфония боли! Мой друг не выдержал, сбежал. А меня Мастер принял в послушничество. Так я оказался в Школе. Но через два года, нам с семьей пришлось уехать из Ташкента. Я безнадежно отстал за этот период, что пробыл в отрыве от Школы. Всё еще послушник, а они уже чёрные пояса!

– Ты быстро наверстаешь, – улыбнулась хозяйка и вдруг дёрнулась, как будто её кольнуло под ребро.

Мы выпили по рюмочке, потом ещё по одной. Дамы разошлись — накатывали почти наравне со мной. Не увиливали, и вскоре уже точно две тропические птицы перекликались-пересмеивались. Теперь Ольгин голос казался мне вольготным, переполненным душев-

ностью и теплотой. А у Александры голос был с хрипотцой, аристократический, холёный. Глаза её вспыхнули турмалиновым хмельным огнём. Эти две брухи меня здесь и сейчас на мясо раздают.

– Ну, что? Пьём? — не дожидаясь ответа, я привычным движением опрокинул в рот очередную рюмку. — Это практика такая, преобразование алкоголя в жизненность. Секретная.

– Ого! — ухмыльнулась Смородина. — И часто ты так практикуешь?

– Регулярно!

– Этому вас учат в Школе?

– Тс-с! Никому не говорите. Но Осознание пережигает алкоголь.

– Правда? Ну, значит, и это не будет лишним, — Смородина поставила на стол пузырь с чуть зеленоватой прозрачной жидкостью. — Первач! Бьёт по ногам, а не по голове, учти!

– Роденькая! Конечно же, учту!

– Что же всё-таки это такое, осознание? — спросила хозяйка.

– Ну, как бы тебе это объяснить! Осознание – вещь тёмная, современной наукой неизученная. Шучу. Например, ты замечаешь за собой, что часто дёргаешься? — я подмигнул.

– Это нервное.

– Вот, если бы ты осознала, то в одно мгновение исцелилась бы. Зря усмехаетесь. В Ташкенте я был свидетелем, как Мастер излечил ученицу, у нее гораздо хуже ситуация была. Сильнейший тик! Лицо, шея – кошмар! Она так мучилась, бедняжка. Её Мастер через болевую инициацию провёл, и всё сработало.

– Опять боль? Другого пути нет?

Смородина выразительно закашлялась и сменила тему:

– Чем же ты в Москве занимался?

Тут я заметил, как выросла моя тень, в очертаниях которой почудился некто чужой, массивный, сутулый, развязный. Мой язык увяз в густоте произносимых слов:

– Саморазрушением! Какое это веселье! Мы – тёмная Тартария, нам бездну подавай. И чтоб эта бездна напротив сидела, и чтоб, глядя ей в глаза, от сердца хохотать. Так бы и сгинул, но вдруг услышал Зов. Никто другой его услышать не мог, потому что только ко мне он был обращён.

Рот хозяйки сжался, будто она сдержала насмешку.

– Одно неясно, — не умея говорить тихо, кричала Ольга, — зачем алкоголь переводить, если ты его всё равно пережигашь? Удовольствия ведь никакого.

– Как же никакого! — возразила Рада. — Вон, гляди, у него на лице всё написано.

И они захохотали, и я с ними, и мы слились в одну большую гору смеха, которая затем внезапно рассыпалась и превратилась в шевелящийся чёрный ковер забытья.

***

В несколько попыток я открыл-таки слипленные паутиной глаза. За витражными окнами рокотал дождь. Я был абсолютно наг и лежал полу, накрытый лишь тоненьким пледом.

Внизу, на кухне, происходило какое-то движение. Оттуда поднимался аромат кофе. Я привстал и осмотрел комнату в поисках одежды. Джинсы и рубашка валялись скомканные в разных углах. Трусы свисали со скульптуры быка на камине.

Включил телефон – почти разряжен. Девять пропущенных вызовов от Марты!

Схватив одежду, крадучись, я пробрался в душевую и под напором горячей воды, всмотрелся во тьму. Из потревоженной глубины всплыла голографическая картинка: мой эрегированный член, как плавающий космонавт в невесомости, и голые груди Александры.

Появившись на кухне, я смущённо произнёс:

– Доброе утро!

– А? Да? – ответила Рада. – Кофе будешь?

– Буду.

Кофе, словно наказывая себя, я выпил одним большим глотком, обжёг губы и горло.

– Мне нет оправдания, – краснея, промямлил.

– А что произошло? – чертовски спокойно произнесла Рада.

– Я не помню.

– Вот и мы тоже ничего не помним, — прищурилась Смородина, закутив с бывалым видом.

– Прошу прощения. Всё это не имеет никакого отношения ни к Школе, ни к Мастеру, – голос мой пресёкся, глаза заволокло слезами. — Моя судьба в ваших руках. Умоляю, не говорите никому. Хотите, встану перед вами на колени? За свою ошибку я могу серьезно пострадать.

– Зачем же впадать в крайности, — воскликнула хозяйка с лёгкой дрожью негодования в голосе. — Лучше подумай, как будешь оправдываться перед Мартой. И вот ещё что. Запомни! — она увесисто погрозила пальцем, похожим на автоматный патрон. – Ничего не было! Ни-че-го!

Ни разу за время нашей беседы она не дёрнулась. И впоследствии никогда больше я не замечал за ней подобного.

Обучаясь в Школе, не будь беспечен. Каждый кубический сантиметр, который ты занимаешь в Школе, направлен на стимуляцию твоего развития.

(из Кодекса Ученика)

Глава 6 Пролетит ли голубь сквозь игольное ушко?

Дни без Мастера – бесцветное время. Мысли крутятся, под каким предлогом выйти на улицу, чтобы подпить, и какой хитростью скрыть запах: редиски поесть или сигарету пожевать?

– Как ты мог, Костас? – Марта была одета в чёрное кимоно, и оттого похожа на обугленное говорящее поленце.

– Ну, напился и напился, разве это драма?

– Ты потерял лицо. Подставил Мастера! Что теперь подумает Александра? – её рука, которой она жестикулировала, с неподвижными, склеенными, полусогнутыми пальцами была похожа на руку манекена, а не живого человека.

– Хочешь кофе?

Мы сидели за столом на кухне. Я достал турку, насыпал в неё кофе, залил холодной водой, поставил на плиту.

– Не хочу! Ты невкусно варишь.

– Пойми, мне просто скучно! Расслабься, лебедь. Я отыграю свой сценарий, ты свой, вместе мы сыграем одну игру.

Она не хотела играть, хотела, чтобы всё было по-настоящему. Но кто знает, что есть настоящее? Вскипевший кофе с шипением пролился на плиту.

***

Вечером Мастер вызвонил нас, и мы поехали за ним на Рублёвку.

Встретил нас Волк. Он стоял и курил с потемневшим лицом у открытых ворот. «Ну, какой из тебя Волк, – подумал я, рассматривая его горбатый нос. – Уж скорее, боевой верблюд».

– Повышенная готовность! – горячим шёпотом объявил он. – Светское общество.

Я рассмеялся. Лёня укоризненно произнёс:

– Ты почему такой небритый и неопрятный?

– И что? Кому какое дело? – огрызнулся я.

– Как что? Ты видел когда-нибудь Мастера небритым и неопрятным?

– Конечно, видел.

Волку неуютно. Он здесь никого не знает, неуместный и зажатый. А мне в таких местах хорошо! И кое-с-кем я знаком. Лысый Ганс Кристиан пожал мне руку и проговорил:

– Третьи сутки не спим. Даже не верится. Как на войне.

– А это и есть война, – ответил я.

Ганса, казалось, подбрасывало, он весь уже нанизан был на нить для чётки, которые перебирали руки Мастера. А вот и хозяин – Алекс Голубь. Он поздоровался и, тряхнув комсомольской чёлкой, спросил Марту:

– Учитесь, работаете?

– Учусь.

– На кого?

– На себя. Учусь быть собой

«Наша девочка», – подумал я.

Я осмотрел собравшихся на улице вокруг большой кованой чаши, в которой горел огонь: мужчины и женщины, человек двадцать. Кого-то из них, я слышал, Голубь, то ли в шутку, то ли всерьёз, называл ваджрными братьями и сёстрами. Их аура блестела, как волосы, смазанные бриолином. У всех у них странные имена, дорогая одежда. Они не сидели, а парили неподвижно в воздухе, и для них это было вполне естественно. Теперь я понимал Лёню. Мне

чудилось, что вокруг упыри, маскирующиеся под милых сказочных персонажей, то причмокивают, то зевают, прикрывая непроизвольно лезущие клыки.

Эс-эН вещал из плетёного кресла. Закутанная в кашемировое одеяло Лея, жена Голубя, повернула к нам свое бледное лицо, похожее на маску театра Но, и слегка кивнула в знак приветствия.

Внезапно фигурки в пространстве застыли. В этот момент я знал, что могу слышать то, что никто не слышит. Эс-эН так умел рассказывать: что-то одно говорит, а другое умопомрачительное вставляет.

Безмолвный голос Эс-эНа вился дымком в морозную ночь:

– Богатые продали свои души. Никто из них не думает так, но посмотри, Костас! Вон Ганс Кристиан – выворачивается наизнанку, прогибается, тратит своё джи, на что? На то, чтобы заполучить побольше денег. А взгляни на Алсу, она практикует вуду, чтобы извести своих недругов, получает от этого физиологическое удовольствие. Она не творит, не созидает. Не живёт. Нежить. И сам Голубь, ведь всё, что он имеет, всё это он отжал, как ни крути. Где-то схитрил, где-то подмазал, кого-то подставил, кого-то обыграл. Всё за счет других. Это я и называю, продать душу.

Меня знобило. Я вдохнул полной грудью хвойный запах. Для всех других Эс-эН говорил иное:

– Хотите увидеть Путь, всмотритесь в Предельную Глубину. Разрозненные формы и явления соприкасаются в ней. В Предельной Глубине нет расстояния, нет времени и нет разделений. Есть Целое! Но вы не хотите смотреть в глубину. Вас с детства принуждают соответствовать не вашей правде, которая лежит на поверхности. Вот, например, гнев – это плохо. Или, что ваше «я» иллюзорно. А ещё, что причина страданий – желание.

– Причина страданий – невежество! – раздался чей-то возглас.

– Спасибо. Я дорожу своим невежеством, – кивнул Эс-эН. – И вам, может, следует перестать знать. Знание убивает. Знание делает вас несчастными, неполноценными существами. Я раскрою вам истинный смысл четырёх благородных истин. Первая, есть желание. Вторая, у желания есть причина. Третья, есть исполнение желаний. И четвертая, есть путь исполнения желаний. Я двигаюсь им, но я не знаю его. У меня есть опыт, но мир каждое мгновение другой. Вот вы меня поправили – причина в невежестве. Но страдают как раз те, кто знает. Невежественные блаженны. Мой путь – это путь прямой реализации, а не пустого умствования. Вот, Алекс! Назови своё желание!

Голубь открыл рот и даже издал первый звук – э-э-э, но некий неприметный мужичок с ноготок не дал ему высказаться:

– Голуби вы мои, неужели не видите – над вами орёл кружит! – он востренько дернул плечом, уставившись квадратными стеклами очков на Эс-эНа. – Желания – это ведь интимная сфера!

– Я не джин, исполняющий желания, – возразил Мастер, – и не чародей какой. И не телепат. Мыслей не читаю. Порчу не навожу. Красавиц не похищаю. Просто демонстрирую метод, как не пренебрегать своей предельной глубиной.

– Это нам никак нельзя, пренебрегать своей предельной глубиной, – проговорила Лея, – но как узнать, что есть моя предельная глубина? Не иллюзия, не гипноз?

– Ты же мать свою узнаёшь? Так и предельную глубину. Вот тебе упражнение: на всё, что с тобой происходит, вопрошай, это я? Эти чувства, эти переживания, что бы ты не испытывала! Эти мысли – я? Радость – это я? Сомнение – я? Боль – это я? Само существование – это я?

– Так много «я»? Монахи ведь говорят: это не я.

– Что останется от бублика, когда его съедят? Если человек совершит преступление и тоже скажет, это не я? Когда-нибудь ты подойдешь к черте, за которой компромиссы заканчиваются. Начинается настоящее. Начинаешься ты – настоящая. Отступить некуда. Ты есть,

тебя это кровно касается. Я могу, например, рубаху с себя последнюю снять и отдать вам. Но если вы попросите мой чёрный пояс, вот вам!

Эс-эН сложил огромную фигу и стал показывать её благородному собранию.

– Хочешь мой чёрный пояс – на! Может, ты? Иди сюда! Или ты рискнешь? – Эс-эН глыбой навис над ошарашенным Голубем. Тот качнул головой, слабо отмахнулся, но всё равно получил тычок кривой фигурой в лицо – на!

– Потому, что это я! – сказал Мастер. – Моё учение – дикий дзен. И он обратен тому, к чему вы привыкли. Слышали вы сутру Полноты? Нет? Вой, из какого кишлака вы спустились? Вы, наверное, слышали учение о Пустоте! Но моя сутра другая, она передавалась тайно и устно через поколения мастеров в нашей Школе.

Голубь облегчённо вздохнул.

– В сердцевине Чёрного Лотоса таится Белый Дракон, – напевно произнёс Мастер. – Пустота полна. О, благородные, пустота тождественна полноте! Всё существует! Поэтому полнота неисчерпаема. Вне наших органов чувств, вне категорий ума, вне языка превосходит их в трансцендентном. Рождение, жизнь и смерть – бардо большого Пути.

Я замер, вслушиваясь, впитывая каждую каплю этого нектара, источавшего аромат тайны, в сладчайшем оцепенении. Мне не хотелось, чтобы это прекращалось.

Светало. Было слышно, как рядом стучит дятел в ветвях высокой сосны. Где-то вдалеке пронеслась электричка. По собранию прокатилась волна вздохов, зеваний, потягиваний и переглядываний.

– Мне понятен ваш метод! – усмехнулся вредный мужичок. – Мало кому нравится слышать о страданиях. Лучше послушать сказку о бесплатном счастье.

– Я принёс небо, но небу нужна земля. Счастье бесплатным действительно только в сказках бывает. В реальности, за все приходится платить. И вам решать, сколько и за что.

Голубь ёрзал внутри своего кресла. Перекинул ногу на ногу. Сгустившееся молчание нарушил голос ехидного мужичка:

– Пролетит ли голубь сквозь игольное ушко?

– Пролетит, – заверил Эс-эН.

Алекс решил:

– Предлагаю задействовать «Самади». На благо всех живых существ, так сказать.

– Но «Самади» – это гуманитарный проект. Пока дохода он не приносит, – вмешалась Лея.

Эс-эН поднял руку над головой и рубанул ею перед собой.

– Вот это уже кое-что, – - сказал он. – Гуманитарный, значит? Как говорится, в сансаре хорошо, а в самади лучше!

Твой Успех среди людей зависит не от самих людей.

(Из Кодекса Ученика)

Глава 7 Второй слой

– Лёня – сапог кирзовый, – сказал я. – Рублёвка его не примет.

Лицо Мастера на секунду исказилось, как у Такеши Китано. Мы сидели на кухне, только успели переодеться. Марта заварила чай, насыпала корм в миску для кошки. Плавно колыхались занавески.

– Он – жук в муравейнике, – ответил Эс-эН. – Поэтому его никто никогда не признает. Муравьишки. У тебя с ним сцепка. Если бы не Школа, Лёня стал бы твоим злейшим врагом. Ох, как бы он отыгрался на тебе, маэстро! Школа даёт вам ещё один шанс. Время пошло.

Уголки моего рта потянулись книзу.

– Он похож на вашего телохранителя, – заметила Троица.

– Фи! Зачем мастеру кунг-фу телохранитель? – презрительно фыркнул я и тут же пожалел о том.

– Ты кое-что сняла со второго слоя, – Мастер прищурился от струйки дыма. – В каком-то смысле он и есть мой телохранитель. Я сам когда-то был телохранителем своего Мастера. Это честь.

– Сэнсэй, а что такое второй слой? – спросила она.

– Это то, что неочевидно для линейного ума. У каждого события есть, как минимум, три слоя. Вот Костя говорит, что Лёня сапог, вести себя не умеет в светском обществе. Это первый слой. А ты говоришь, что он телохранитель, это из второго слоя. Вы знаете, кто у Будды телохранителем был? Геракл! Да, я не шучу. Защищал Будду, стоял за его плечом и ни одна сволочь не смела Будде лишнего сказать. Костя с Лёней никак не ладят, осуждают друг друга. Это первый слой. Но что за этим стоит? В чём настоящая причина вражды, о которой один молчит, а другой вспомнить боится? Это уже второй слой.

Мне стало неудобно. Что я должен вспомнить? Лёня как был чурбаном, так им и останется, вне зависимости, вспомню я или нет.

– А кто это был тот мужчина в очках? Такой вредный! – спросила Марта.

– Он – представитель антишколы, – рассеянно отвечал Мастер. Ему как будто стало скучно. – Их зовут контролёрами или операторами. Это те, кто создали Сеть на Земле, пастухи людского стада. До них Земля процветала, ребята. Боги жили среди людей. А жизнь человека длилась тысячи лет! Вся Земля была большой Школой. Люди учились совершать межзвёздные перелеты. Способность делать это считалась аттестатом зрелости души. Представляешь, у меня есть звездолёт, но изготовлен он не из материальных сплавов, а из психоэнергетических полей. Человечество готовилось к интеграции в союз разумных рас. Но не суждено было этому сбыться. На Землю пришли силы иного порядка. Для этих сил человек не более, чем ресурс. В разум землян была инсталлирована идея антишколы. В людях появилось новое желание – действовать только ради себя, они перестали чувствовать Вселенную, как живое существо, заботиться о ней. Вы задумывались, что такое коррупция? Учёный уже больше не учёный. Он не открывает законы Вселенной, а делает то, за что ему платят корпорации. Почему принимаются несправедливые законы? Откуда столько абсурда? Этому миру нужна большая встряска.

Я слушал, растянувшись на полу, и с тоской смотрел на резную птицу счастья, кружащую под потолком. Наверное, на её крыльях уже скопился толстый слой пыли.

– Не спать! – воскликнул Эс-эН. – Часовой заснул – весь отряд перерезали. Ты уже не только за одного себя ответ держишь, а за Школу. За меня. За Троицу. За соратников своих. Отступать некуда.

Я приподнялся, на локте. Эс-эН – человек из идеального мира, проживший сто тысяч лет или больше, вытащил нас из западни и собрал на своём звездолёте.

– Не могу больше! – сказал я. – Хоть режьте.

Мастер молчал. И Троица молчала. Ещё мгновение, и они превратились в каменных истуканов с острова Пасхи. «Какая она непреклонная стала!» – подумал я. Один истукан молча спросил:

– Как вы думаете, у него есть шанс?

Другой ответил сомкнутым каменным ртом:

– Как-то раз он уже упустил свой шанс! Поглядим – за одного битого двух небитых дают.

***

Накуренный, я защищён, медлителен и спокоен, у меня есть секрет, дающий мне преимущество перед остальными. Я словно играю роль в невероятном сериале.

Дом Рады – тот самый звездолёт, а мы все проснулись после долгих лет анабиоза. Разгоралось пламя в камине. Потрескивали укутанные белесым дымком дрова. Тепло растекалось по комнатам, стены дышали. Элитный такой звездолёт.

Мы были похожи на большую семью просветленных людей будущего. Мы неслись сквозь беспредельную тишину всё дальше от планеты Земля. Я всех любил. Даже Волка. Он сидел на подушке возле камина и наблюдал за перемещениями теней сквозь прищур век. Он не желал быть здесь. Его понять можно, Волк-одиночка, зверь вольный, дикий, ему не место среди этих домашних животных. Он жаждет ворваться в чащобу леса, отыскать тайные тропы, охотиться и рисковать.

– Кто-нибудь задумывался, как это будет? Конец света? – спросила маленькая бухгалтерша Лара, холёная домашняя крольчиха.

– Как будет? – повторил Марк Ладов. – Третья мировая? Не всё ли равно? Все там будем!

Устроившись на диване, он перебирает струны на гитаре. Ему скучно. Он никогда не задумывается над бесполезными вопросами. Его больше интересует собственное портфолио.

– А никак не будет. Растает Арктика, и всё под воду уйдет в один момент, – выдаёт суровое пророчество Эля.

Невысокого роста сухонький кавказец Гога и его жена Эля, сектанты со стажем, бывшие аумовцы. Гога нашёл свободные уши, обладатель которых, не решаясь его прервать, вынужден слушать, как вставлять чайник в ухо и под каким углом наклоняться, чтобы вода вытекала из задницы. Но Эля хладнокровно прекращает это издевательство:

– Ой, да хватит тебе уже гуровать! Если заслуг нет – шанк пракшалана не поможет!

– А я тебе вот что скажу! – Гога вдруг поворачивается к Ларе-крольчихе. – Сначала мир охватит какая-нибудь эпидемия, потом разрушатся государственные институты, люди перестанут друг друга поддерживать. Так потихоньку и вымрут. Может быть, на смену нам придёт другой вид.

Близнецы Сева и Рева, похожие на двух молодых орангутангов, сотрясают стены дома двойным пушечным залпом хохота. Их затыкает экзальтированная Толокуцкая. Её смех, как крик Джельсомино. Витражи, за которыми раскинулась тьма, угрожающе дребезжат. Толокуцкая уверяет, что таким образом она «чистит помещение от сущностей». Неизвестно насчёт сущностей, но собаки, заскулив и поджав хвосты, спасаются бегством. Я и сам заражен смеховым безумием и хохочу.

Народный артист Раджа, напоминающий большого белого попугая с взъерошенным затылком, степенный, звучный, густым баритоном перекрывает наше веселье куплетом из старого шлягера «Мы – дети Галактики!» и срывает аплодисменты.

– В Южной Америке, мне довелось разговаривать с шаманом, – будто со сцены произносит он, – который, кстати, узнал меня, попросил автограф. Потом взял в ладони мою голову, пристально посмотрел мне в глаза и телепатически направил поток видений прямо в мой мозг.

Я был поражён! Оказывается, конец света уже наступил! Всё это – предсмертная галлюцинация человечества. Нам только кажется, что мы живем, в действительности же, агонизируем.

– Если конец света и случится, – снисходительно говорит менеджер среднего звена Алсу, девушка без души, но в очень короткой юбке, – это произойдет *незаметно*. Никто ничего не отобразит. Когда всё случится, нам даже и в голову не придёт, что могло быть как-то иначе.

Я заметил, как жёлтые глаза Волка приоткрываются и, словно голодная пасть, поглощают в один присест её длинные ноги целиком. Я лишь обвожу их взглядом в присутствии Марты.

– Надо заранее обеспечить всем необходимым, как бы, – произносит Осман, – закупиться гречкой, макаронами, тушёной-сгущённой. Это первое, как бы. Вы запишите, запишите!

Кто-то немедленно бросается записывать. Многие с интересом прислушиваются.

– Затем, оружие, как-бы, – продолжает он. – Травмат или что-нибудь посерьёзнее. Потому что начнут взламывать двери. Без оружия не обойтись. И теперь самое главное, как бы. Это касса. То есть уже сейчас мы должны учредить кассу и уже сейчас для нашего будущего подготовить базу! Как бы!

– Ну, а что потом? – непонимающе улыбается крольчиха.

– А потом прилетит космическая птица и уничтожит всё зло на Земле! – яростно произносит Осман.

– Вы заблуждаетесь, – вдруг раздаётся голос Эс-эНа.

Он, оказывается, уже давно стоял в комнате, облокотившись на ограждение лестницы.

Он часто появлялся неожиданно, не входил в помещение, а материализовывался в нём. Услышав Мастера, народный артист так и застыл спиной к нему. Эс-эН, будто управляя им своими синими глазами, заставил его медленно повернуться. Раджа, улыбаясь, омылся в купели всеобщего внимания и впитывал в себя всю эту энергетическую подачу. Аура его от этого выросла, как забродившее тесто.

Теперь мой ход. Я достал из рюкзака чалму с ободранным павлиньим пером и вручил её народному артисту. Так было заранее оговорено.

Раджа, кажется, прослезился. Мне почему-то стало жаль этого пожилого мужчину, держащего в руках бутафорскую чалму. Вживаясь в новый сценический образ, он поклонился, воспроизвел звук «Ос-с», и водрузил её себе на макушку, из-за чего немедленно сделался похожим на факира. Чалма была слишком маленькой для его большой головы.

– Конец света происходит внутри человека, – изрёк Эс-эН с придыханием. – Или *конец тьмы*, у кого как! Но вы все ещё не готовы. Ведь у вас только по две чакры задействованы, как у домашних животных. Так далеко не уедешь. Три чакры, вот ваша задача-минимум. Это чёрный пояс, ребята! Чёрные пояса, встаньте вот здесь в ряд!

Выстроились чёрные пояса – пять парней.

– Посмотрите на них! Какие они цельные, организованные, энергичные! У них по три чакры открыто. Каждый – личность! Образцовые чёрные пояса.

«Тоже мне, образцы! Ну, не сказал бы я, что они чем-то лучше меня!»

– Следующий уровень, четыре открытые чакры. Это человек, обладающий Волей. Особый человек. У него есть воля, а у большинства её нет. Это чувствуют окружающие. Его либо ненавидят, либо обожают, но ему наплевать. Он способен повлиять на большое количество людей, а может уйти в отшельники, и никто о нём не узнает. Среди известных личностей, это, например, Путин. Ну, а в мире природы дельфин – яркий представитель четырёхчакрового сознания. Это вовсе не животное, как принято думать, а разумное существо с экстрасенсорными способностями.

Я покосился в блокнот Тоси: «Четыре чакры – разумное существо. Путин – дельфин».

– Дальше, пять открытых чакр, – продолжал Эс-эН, – это одарённый искусник, талант от природы: Леонардо да Винчи, Пушкин, Ван Гог. В Школе это – Мастер, наставник. Шести-

чакровый уже Маг, очень крутой уровень. Человек, оседлавший Дракона. О таких людях, как правило мало что известно, они находятся в тени, так как сама специфика их уровня не предполагает известности. О них пишут сказки. Например, Гэндальф. Или Дон Хуан. Ну, а семь чакр открытых, ребята, это Гении человечества – Будда, Христос, Лао-цзы.

– А вы на какой ступени? – с протяжной хрипотцой спросила Алсу. Будто лиса, знала, что здесь замаскирована ловушка и привела к ней льва.

Вместо ответа Эс-эН поставил на своём телефоне на полную громкость песню группы «Пикник» «У шамана три руки» и закрыл глаза, покачивая головой в такт мелодии. Когда песня закончилась, объяснил:

– Я – Маг. При помощи магии я собрал вас. Вы здесь, потому что Я так хочу.

– А если я возьму сейчас и уйду?

– Небо открыто для всех. Уходите.

И, по-доброму так, улыбнулся.

***

В перерыве я увидел Реву, который показался мне низколобым, со скошенным затылком и оттопыренной нижней губой. Он гораздо симпатичнее в действительности, но сейчас что-то происходило с моим восприятием. Он увивался вокруг Рады. «Куда ты лезешь, Рева, со своей-то рожей», – подумал я и удивился себе, я ли это? Рада игриво им пренебрегала.

Люди обступили Мастера внизу на кухне и задавали ему вопросы. Он курил, потягивал кофе с лимоном. Многих не устраивало сравнение с животными. Эс-эН снисходительно растолковывал:

– Это же метафора! На самом деле у вас почти у всех, за счёт поля Школы, сейчас активизировалось по три чакры. Но как только вы вернётесь в Сеть, к привычным путам, опять скатитесь до двух. Оглянитесь назад, осознайтесь! Как вы живёте, чем руководствуетесь? Человеком можно назвать лишь того, кто осознан.

Алсу каялась ему:

– В прошлый раз как будто открылась какая-то дверь. Мне предлагалось войти в новое пространство. Но я упустила шанс. Могла сделать все по-другому, но не сделала. Я прямо-таки увидела, как эта дверь закрывается и возможность уходит. Не смогла перебороть свой эгоизм.

– У тебя ещё будет шанс! Слова, которые ты слышишь – незначительная часть, процентов пятнадцать от всего, что я передаю вам. Начинка моих уроков не в словах и даже не в смыслах. А в причинном поле, который возникает между нами.

Он достал из своего чёрного кожаного рюкзака довольно странный предмет. Это был брусочек дерева, неумело обструганный. Истерзанная, изрубленная и брошенная в начале пути к совершенству вещь.

– Что это? – спросил Эс-эН. – Включите воображение.

– Бурагино! – предположил Марк.

Братья захохотали, но сразу умолкли.

– Я вложил в этот кусок дерева своё магическое намерение. Попробуйте увидеть форму моего намерения.

– Это какой-то предмет силы? Может, лингам? – попыталась угадать Толокуцкая.

– Не сомневайтесь, – усмехнулся Мастер.

– Веретено! – воскликнул Гога.

– Э! Как узнал? Мысли читаешь что ли? Правильно, веретено! – Мастер сделал удивленный вид. – Это инструмент регуляции биополей. Самая обыкновенная волшебная палочка. С помощью неё можно исполнить любое ваше желание. В разумных пределах, естественно. Если бы я выставил моё намерение на аукцион, во сколько бы вы оценили его?

Наверное, никто не понял, что происходит и что требуется сделать. У меня закружилась голова, я вдруг с необыкновенной ясностью увидел фрагмент секретного механизма, который работал сейчас в этой комнате. Импульс энергии передавался от одного участника к другому. Пришла очередь Эли и Гоги. Эля ткнула Гогу локтем.

– Тысяча рублей! – сказал он

Тишина длилась с минуту, а может, и больше. Первым сообразил Рева:

– Сто долларов, Эс-эН! Больше просто нет.

Алсу презрительно усмехнулась.

– Ну, что ж. Стартовая цена – сто долларов! – Эс-эН хлопнул в ладоши, обозначив начало торгов. – Кто больше?

– Триста! – включилась Алсу.

Присоединился Раджа и поднял до трехсот пятидесяти. Затем Толокуцкая дурашливым петрушечным голосом увеличила ставку до шестисот.

– Восемьсот! – голос Алсу зазвенел клинковым боем.

Раджа добавил ещё пятьдесят. Алсу довела до девятисот. Я услышал, Рева шепчет Севе: «Привыкла добиваться своего, барышня».

– Девятьсот двадцать! – народный артист выбросил вперед ладонь, словно произвёл магический пасс.

– Девятьсот пятьдесят!

– Девятьсот пятьдесят долларов раз! – произнёс Эс-эН. – Девятьсот пятьдесят два!

Девятьсот пятьдесят...

Раджа молчал, чалма с павлиньим пером съехала набекрень.

– Тысяча! – выкрикнула Эля.

Гога поперхнулся.

Алсу потянулась было оспорить ставку, но Эс-эН оборвал торг:

– Продано!

– Это нечестно! – не успев скрыть расстройство, воскликнула Алсу. Но осеклась и мгновенно закатала неугодные эмоции в асфальт.

Эс-эН вручил Эле чудесную деревяшку и вновь, на втором слое, я успел уловить, что он, словно дядя, наклонившись, преподносит девочке в бантах облако сахарной ваты. А, между тем, Эля биологически лет на пятнадцать старше Эс-эНа.

– У меня деньги не с собой, – промямлила она. – Я завтра вам завезу, можно?

– Что ты! – засмеялся Мастер. – О чём ты говоришь? Не надо денег. Этот предмет силы принадлежит тебе по праву, бери и пользуйся на здоровье! Только пусть Гога его выточит и отшлифует, как следует.

Эс-эН повернулся к Алсу и тихо сказал ей:

– Ты опять упустила свой шанс. Потому что действовала, как привыкла.

Какой изящный шутэн! Из глубоких щелей повеяло чёрной гнилью – у одного жадность и зависть, у другого подозрения и сомнения. Мы, ведь, типа, не такие!

Мастер поднял указательный палец:

– Вы живёте вполсилы. Какое там! В десятую часть силы. При этом любите поговорить о силе. В горячем котле нет холодного места! Не позволяйте себе быть холодными. Надо гореть! Холодный – это же ведь труп. Когда взаимодействуешь с силой, нужно совершать поступки силы. Эля поставила на Кон. Это поступок. Её ставка оправдана. Оглянитесь, вспомните, как двигалась ваша тень, когда ставка росла? В вашей жизни так мало поступков силы! Вы не знаете, не привыкли. Вас воспитали по-другому. Вдруг кого-то пробило на щедрость. Пожертвовал пару сотен. Но поймите, это не поступок силы. Поступки силы рождаются из высокого тона звучания. Из реализации себя на полную катушку. Когда ты поступаешь вопреки своей слабости, градус твоего огня возрастает, ты становишься горячее. Главное, не останавливаться.

Подвиги – вот ваше топливо. Будьте к этому готовы. Готовность – уже значит быть в силе. Если ты не в силе, ты не готов. Зачем тебе вообще быть, если ты слаб?

Он помолчал, пробежался глазами, проверяя, поднимается ли кто-то, возразит ли ему, затем сложил ладони у лба:

– Да пребудет всё живое в мире и согласии!

Группа простерлась ниц. Священный звук «ОС-С» охватил меня со всех сторон.

Не фактор двигает Силой, а Сила двигает Фактором. Силу надо принимать всем Сердцем и во всей Полноте, не торгуясь по мелочам. Дух не терпит половинчатости.

(Из Кодекса Ученика)

Глава 8 Паспорт для дракона

- Не беда, что ты васёк, – говорил Мастер Лёне Скакунову, – главное, что ты наш васёк.
- Тяжело возле Мастера? – с улыбкой спросила Марго. Кому, как не ей это знать!
- Тяжело! – честно ответил Лёня. – Но в самый раз!

Ну, васёк и васёк. Он научился шить кимоно и пытался их продавать, но дело не пошло. Деньги, взятые в долг, улетели в трубу. Васёк.

Однажды он через стенку услышал, как Маргарита сказала: «Лёня лучший! Жук в муравейнике». Мастер согласился: «Да, признаю, он достоин унаследовать ремесло». Утром Лёня сомневался, может это был сон? Но сохранил услышанное на острие своего духа.

Лёня всего себя отдавал Школе и Мастеру без остатка, как того и требовала Традиция. И когда Школа начала развёртку в России, он стал основной тягловой силой. На его плечи легла организация переезда Мастера и Маргариты в Петербург. Лёня рисковал, обменивая суммы на доллары, грузил вещи в контейнер, искал жильё в Питере. Оказалось, Марго трудно угодить, но он всё это осилил, за что удостоился права жить с ними в северной столице. Они выделили ему место для сна в прихожей, на коврике, как псу, но он не роптал. Это честь – спать на коврике у Мастеров.

Лёня продолжал служить им верой и правдой. Он приносил тяжеленные сумки с продуктами, мыл посуду, пылесосил и драил полы. А по вечерам жадно слушал, о чём они говорили между собой.

Однако он не верил, что Мастер и Маргарита сверхъестественные существа. Незаурядные, обладающие доступом к изнанке мира, но люди. Маргарита, бывало, раздражённо кричала на Мастера или даже отчитывала его.

В Питере Мастер резко сдал.

– Кто я? – как-то задал он вопрос Лёне и, похоже, всерьёз ждал от него ответа.

Лёня ответил:

– Вы – Мастер.

– Представляешь, маэстро, – произнес Эс-эН, – у меня даже российского паспорта нет! Первый же придравшийся мент будет считать себя вправе пить мою кровь.

Эс-эН и Лёня однажды возвращались на метро с очередной бесплодной встречи домой. Сидячие места в вагоне оказались все заняты. Вдруг на лице Мастера появилась гримаса боли. В первые мгновения Лёня не мог понять, что происходит. Эс-эН буквально повис на нём, схватившись за его плечи, и просипел ему на ухо: «Если я сейчас не сяду, мне хана!» Лица пассажиров в вагоне казались, словно облитыми холодной субстанцией света, слегка припухшие, рыхлые, как мякиш батона. Лёне пришлось преодолеть отвращение перед контактом с этими существами, и он попросил какого-то парня уступить место.

В другой раз Лёня делал Мастеру массаж и вдруг нащупал уплотнение. Опухоль бугристым грибом росла внутри шеи.

– Что это, сэнсэй?

– Это, Лёня, непреодолимые обстоятельства, – ответил Эс-эН. – Данность, с которой я ничего не могу поделать.

Эс-эН тяжело заболел, да так, что туалет посещал только с помощью Марго.

***

Лёня знал, что учиться надо не той запредельной мудрости, которую Мастер и Маргарита преподавали на семинарах, она бесполезна, а тёмному ремеслу, житейскому искусству войны.

В Ташкенте Лёня возил сэнсэя на своей белоснежной «Ниве». В один из жарких солнечных дней они сделали хороший базар и возвращались домой. На перекрёстке Актэпэ зажегся красный, и Лёня остановился, пропуская автобус, забитый пассажирами.

– В такую жару лучше не вылезать из дома, – сказал Лёня.

– Маэстро, у них нет выбора, – ответил Эс-эН, и как только он произнёс эти слова, раздался оглушительный удар. Внезапно выскочивший грузовик врезался в этот автобус.

От страшного столкновения из искорёженного металла на плавящийся асфальт высыпались люди, прямо, как горсть разноцветных драже. Рыдал малыш весь в крови. Пожилая узбечка кричала: «Вай дод!» Много неподвижных фигурок пестрело на дороге. Когда-то Лёня работал спасателем в горах, умел оказывать первую помощь. В душе он был настоящим героем. Его мышцы дёрнулись, но Эс-эН положил ему на плечо свою тяжёлую ладонь и сказал тихо и внятно:

– Не надо, маэстро. Пусть все идёт по Дао.

– Там люди гибнут, сэнсэй!

– Я знаю. Добро творить опасно в нашем мире, маэстро. Понял меня? Поехали!

Лёня кивнул, обливаясь холодным потом. И они поехали. Обогнули место аварии, не обращая внимания на стоны и мольбы о помощи, тихонько, легонько, своей дорогой.

***

В Питере Мастер водил его по клубам боевых искусств и выставлял на поединки. Незадолго до очередной такой «прогулки» у Леонида поднялась температура до 40 градусов. Ни кашля, ни насморка, ни лихорадки. Сначала он вполне сносно себя чувствовал, активно двигался, храбрился, что готов хоть сейчас в бой. Но жар не спадал.

– Все будет хорошо! Это у тебя вишуддха открывается, – уверяла Марго, но по её жестко сплюснутым губам он догадался, что она встревожена.

Он любил её и страстно желал. Она женщина Мастера и поэтому доступна лишь для благоговения.

– Есть у меня одно волшебное средство, – сказала она.

Блеснула гигантская игла, запахло спиртом.

– Если в течение получаса температура не снизится, поставлю тебе иглу в макушку, – пригрозила Маргарита, положила иглу на стерильную салфетку и ушла.

Из кухни повеяло ароматом свежесваренного кофе, табачным дымом. Через полчаса, когда Марго вернулась, температура уже была тридцать семь. Лёня блаженно улыбался, проваливаясь в сон.

С тех пор Мастер прекратил его водить по бойцовским клубам.

***

Лёня не хотел уезжать из Ташкента. Он даже напомнил Мастеру слова из Учения, что прийти к вершине Духа можно не выходя из дома.

– Маэстро, пора избавляться от местечкового сознания, – ответил Эс-эН. – Мы же здесь закрыты, живём как в тандыре, никакого масштаба. Вот топчан, речка, чайхона! Ты, как и всякий ташкентец, привязан к этому лукошку. Чтобы от него оторваться, надо открыться чему-то новому. Запекаясь в тандыре, местные и не подозревают, что Вселенная меняется, мир уже другой. Хоп-хоп, а жизнь вот она, кончилась, тебя достают из тандыра и отправляют на обед ангелу смерти.

Лёня продал за дёшево свою прекрасную белую Ниву и приготовился к испытаниям.

Мастер собрал своих верных учеников, чёрных поясов – элитное подразделение – и объяснил им их задачу: подготовить платформу для Школы в Москве.

– Используйте всё, чему научились, – напутствовал он, – магию, кунг-фу, иглоукальвание. Это ваша аттестация на четвертую ступень.

Четвертая ступень означала, что человек вернул себе волю. Это был идеал, Цельнолитный Дракон, хозяин своей судьбы, подлинный человек.

Мастер же с Маргаритой отправились в Санкт-Петербург, потому что она так хотела. Она морщилась при слове Москва.

Однако Питер не нравился Мастеру. Жители этого города защищались от Абстрактного своей унылой монотонной культурой.

– У них здесь у всех стойкая светобоязнь. Представь, едем в автобусе, в кои то веки выглянуло солнышко из-за туч, а все бросаются шторы закрывать! Они разучились удивляться, маэстро, как они вообще живут? Зато у них есть музеи и театры, – жаловался Эс-эН. – Мокрицы!

Маргарита, наоборот, находила здесь источники силы. Каждый вечер рассказывала что-нибудь интересное. Она была лекарством, она реально спасала этот город от проклятий и порчи, которые насылал на него Мастер. Он сгущал, она развеивала, он выносил приговор, она миловала.

***

Мастер и Маргарита притягивали к себе маловероятные события. Лёня Скакунов убеждался в этом неоднократно. Иногда это были катастрофы, а порой чудеса. В присутствии наставников люди исцелялись от неизлечимых болезней, или кто-то из учеников находил деньги на улице, причём крупную сумму. Иногда особо внимательные наблюдали в небе НЛО.

К числу маловероятных событий, Лёня относил и возвращение в Школу мерзавца – Кости Солнцева. Поэтому ждал момента, когда же это сработает, мечтал о возмездии. Чтобы верить в это приходилось прилагать большие усилия, так как столько зла в этом мире остается безнаказанным. И вот свершилось.

Сигнал старенького кнопочного телефона раздался в час Цзы. Они дегустировали кофе, сваренный по новому рецепту, с кардамоном. Мастер поднёс трубку к уху, а затем положил её на стол и включил громкую связь. Голос Ревы поздравил Мастера и Маргариту с китайским Новым Годом.

– Тебе тоже всего самого хорошего. Как план разверстки?

Чувствовалось по голосу, Рева деморализован. Ни разу не засмеялся. Чёрным поясам приходилось туго в Москве. Чтобы свести концы с концами они помногу работали, все их силы уходили на минимальное самообеспечение. Один лишь Марк Ладов, по общему мнению, хорошо устроился. Но он, кажется, нашел себе иной центр притяжения в джунглях шоу-бизнеса.

Близнецы разделились. Сева уехал ловить птицу удачи в Норвегию, Рева остался в Москве один и продолжил битву. Когда он заговаривал с кем-либо о Традиции, его не воспринимали всерьёз. Что же касается искусства кунг-фу, то здесь оно непопулярно. Бокс, самбо, рукопашка или система Кадочникова, вот что сейчас в тренде.

Мастер предложил Реве зайти с другой стороны.

– Москва как женщина в возрасте, она привлекательна связями и богатым опытом. Беда не в том, что ты мало имеешь, – продолжал Мастер, – беда в том, что ты не знаешь, как распорядиться тем, что имеешь.

– Что же я имею? – кручинился Рева.

– У тебя есть путь сердца. Всё получится.

– Сэнсэй, я тут случайно встретил кое-кого, – вспомнил Рева. – Костю Солнцева.

Лёня почувствовал, как прилив энергии захватывает его дыхание, ускоряет биение сердца.

– Мы зашли в кафе поговорили, – продолжал Рева. – Глаза у него шальные. Но он пахнет удачей. Говорит, тоскует по Школе.

– Что? Повтори, – попросил Эс-эН.

– Тоскует. Вы ему снитесь и продолжаете его наставлять. Говорит, вы лучше всех! Спрашивал ваш телефон. Дать ему?

Маргарита выкатила глаза.

– Как считаешь, Румата, – Мастер назвал Реву сущностным именем, что бывало редко, ибо тот не дотягивал до него. – Он человек-дверь или человек-замок?

– Думаю, человек -дверь, Эс-эН! – сказал Румата.

– Тогда добро.

Так Костя Солнцев вернулся в Школу.

За долгие годы обида Лёни на Костю стала сильнее, хотя он и утверждал, что её давно нет. И боли тоже нет, осталось только отвращение. А сейчас из-под всех слоёв проступила та самая первичная реакция, дева-обида, как её величала Марго.

Если к тридцати годам ты не обзавёлся врагами, значит, ты либо просветлённый, либо лицемер, любил повторять Мастер.

Леонид не был ни тем, ни другим.

Мечь – это великая возможность войти в сердце мифа, учила Марго. Мечь прекрасна! В ней сила мотивации, древняя энергетика подлинности. Её не случайно порицают контролёры. Красивые слова о милосердии и прощении не значат ничего! Когда мечь необходима, её осуществляют. Но простой человек не имеет права мстить. Если бы за каждой подлостью следовал адекватный ответ, мир стал бы сейчас прекрасным местом.

Но Леонид заметил в себе ещё кое-что, помимо обиды. Ревность!

– Есть такой фильм, «Константин – повелитель тьмы» называется. Найди мне его в интернете, – попросил с задумчивым видом Мастер. – Там Кийану Ривз в главной роли.

Пока Лёня скачивал фильм, Мастер включил на телефоне одну из своих любимых песен – «Камилло» и, приложив указательный палец к губам – тс-с-с! – и закрыв глаза, наслаждался песней, чуть нахмурившись.

Rastaman Camillo!

Life make him feel low

so he'd sit and he'd start to smoke

his way of life is no joke

sit down he'd smoke his fire

smoke one more make him higher

Так Мастер колдовал ситуацию. Через песни и фильмы он проникал в магический мир, который назывался в Учении истинным миром, и концентрировал в нём своё намерение. Ведь по Закону Подобия, только истинные люди обладают способностями к волшебству. Получается, что чем больше ты совершаешь, правдивых, искренних действий и поступков, таких, как, например, мечь, тем сильнее становится твоя магия.

Наконец Эс-эН сказал:

– Маэстро, ты должен кое-что осмыслить. Великое Дао устраивает непростые испытания. Костя Солнцев человек особый. Структура его энергетического тела такова, что он вроде живого талисмана, приносит удачу. Он не знает об этом, а мы знаем. Прошу тебя, наберись терпения. Всё образуется. Рано или поздно, ты получишь своё.

– Не думаю, – буркнул Лёня.

– Если бы в твоём распоряжении появился джин, какое бы желание ты загадал?

Марго вмешалась:

– Надо просить для тебя российский паспорт, Сашмунт. Только джину это по силам.

Лёна Скакунов рассмеялся. Она достала длинный мундштук, вставила в него тонкую сигарету и закурила. Эс-эН без улыбки проговорил:

– Знаешь, почему так мало истинных магов на Земле, Волк? Из-за неправильного отношения к Реальности. Паспорт это не что-то смешное, маэстро. Это предмет силы. Обладатели его и не подозревают, какой мощный инструмент им доступен. Это огромная милость, тот факт, что у вас он есть. Без него, ох, вы и нахлебаетесь...

– Сашмунт! – одёрнула его Марго.

– Прости, Риша. Сегодня я вредничаю.

***

После переезда в Москву, Волк сопровождал Мастера в поездках на Рублёвку.

Эс-эН говорил:

– Смотри, они производят впечатление слабых и мягкотелых. На самом деле, они монстры обыденности. Они порвут тебя на части, зажарят и съедят! Знаешь, чего они ищут? Религию, которая бы легитимизовала их людоедство. Войди в их дом, усыпи их бдительность, в сердцевине их забытия виртуозно раздели их откормленные и ухоженные тела заточенным ножом своего намерения, да так, чтобы они ничего не успели почувствовать. Вот мастерство!

– Угрюмый воин у вас за левым плечом имеет имя? – спросила Лея.

– Можете звать его Волк.

– Сурово.

– Мирское имя для воина, как эхо, всё ещё звучит, но вот-вот затихнет. Ну, что это за имена такие: Вася, Лёня, Саша? В них силы нет. В самый раз для юнитов.

Дом Алекса и Леи был пуст. Комнаты, в которых гостю не к чему прислониться. Голые стены, высокие потолки, мебели почти нет. Породистая кошка не обращала на людей внимания, пока они не попадались у неё на пути, и тогда она внимательно смотрела на них снизу вверх своими агатовыми глазами и вынуждала уступить ей дорогу.

– В доме часто устраиваются собрания, поэтому ничего лишнего, – объяснил Голубь.

Эс-эН кивнул:

– В обществе ведут борьбу два типа сознания. Первый не терпит пустоты и заполняет жилое пространство вещами, стремясь защитить ими себя. А второй тип, наоборот, избавляется от всего лишнего, ценит свободу.

«Странно, – подумал Волк. – Столько денег и возможностей, а обустроиться нормально не могут».

Беседы велись на кухне за стойкой, именуемой кухонным островком. Здесь Лёня ощущал себя, как в производственном помещении.

Лея проводила чайную церемонию. Эс-эН сделал удивлённый вид, услышав, сколько стоит один блин пуэра – пять тысяч евро. Когда вышли с Волком покурить, поделился с ним своими мыслями на этот счёт:

– Китайцы издавна обманывают белых васьков. А Голубь – типичный васёк. Лучше качественного индийского чая ничего быть не может.

Когда вернулись на кухню, сказал Лее, прижав ладонь к сердцу:

– Прости, хозяйка, этот чай слишком хорош для меня. Может, найдется у вас что-нибудь попроще?

– У нас нет попроще, – напряжённо ответила Лея. – Хотя, погодите, у домработницы, кажется, есть в пакетиках. Будете?

Ему выдали кружку с кипятком и пакетик чая. Волк, конечно, тоже попросил кружку. Чай оказался отвратный, с бергамотом. Но оно того стоило – противник был лишён арт-подготовки.

Голубь и Лея пили пуэр. Но волшебство чайной церемонии улетучилось.

Волк подумал: «Эта женщина, Лея, полагала, что знает искусство войны, но появился мастер войны, и теперь её самоуверенность тает на глазах».

Эс-эН выдал Алексу и Лее психоэнергетические паспорта, удостоверяющие их духовный статус. Нельзя было понять, что они переживали в этот момент, как будто что-то не так было с их лицами. Эс-эН шепнул на очередном перекуре:

– Если бы я вдруг вспрыгнул на стойку и насрал на ней, они бы никак не прореагировали.

Когда Лея открыла свой паспорт, Волк увидел её сущностное имя – Моль. Ага! Заочный привет от Марго. Ученик счёл бы за честь. А как отреагировала Лея? Шут её знает. Они оба какие-то отмороженные! Может, это и называется, нет души?

На утро Алекс рассказал о трудной, конфликтной ситуации с кем-то из своих партнёров. Эс-эН достал мешочек самоцветов, кинул камни на стойку, каждый размером с фалангу большого пальца, и, взглянув на то, как они легли, посоветовал «не действовать».

Через неделю Эс-эН вновь кинул камни.

– Твой личный камень, – сказал он Голубю, – попал на врата Ветра. Только что начался сезон Земли. Ветер стелется по Земле. Твой партнёр – Вода. Земля впитывает Воду, а Ветер иссушает её. Пора действовать.

Спустя ещё несколько дней Алекс сообщил о победе. Его лицо порозовело. Казалось даже, что с барельефа вот-вот сойдет заколдованный юноша.

– Сработало, Мастер, – сказал Голубь. – Он уступил почти по всем пунктам, и это совершенно на него не похоже.

– Это ещё не победа. Тебе, можно сказать, повезло. До настоящей победы еще далеко.

– Да, сэнсэй! – Алекс неожиданно сделал неумелый, но искренний поклон.

Он почувствовал вещественную доказательность магической силы Мастера.

– В других школах ходят вокруг да около, а здесь решается вопрос по существу, – высказался он на одном из собраний. – Никогда ещё я не встречал такого прямого и явного эффекта. Прошу вас принять моё подношение. Мы это уже обсуждали.

Это был сертификат на владение двадцатью пятью процентами акций центра «Самеди».

Мастер не сделал никакого движения навстречу, лишь пристально наблюдал. Лея вибрировала подпильной струной.

– Вот скажи, Алекс, можно перепрыгнуть пропасть на двадцать пять процентов? – вдруг спросил Эс-эН.

Голубь молчал.

– А на если пятьдесят процентов перепрыгнешь, выживешь?

Голубь раскрыл было рот, но Мастер остановил его мягким жестом – поднял ладонь.

– Вы, наверное, думаете, явился Эс-эН непонятно откуда, кто он такой, всё мраком покрыто, степняк неграмотный, а только вот крутит-вертит, куда захочет. Так? – Эс-эН посмотрел на Лею.

На верхней губе у неё образовалось воспаление, отчего лицо стало похоже на лицо старой императрицы Цы Си. В уголках её глаз вдруг углубились морщинки, и она выдохнула:

– Однако же – аппетиты у вас!

– Способность исполнять желания измеряется самоотдачей, – сказал Эс-эН. – Если ты исполняешь желания, Космос даёт тебе силы для этого. Не нужен мне ваш клуб. Это мелко. Я признаю только искреннее ученичество. Кто ты, Алекс? Ты настоящий? Ты искренний?

Алекс, сжав и без того тонкий рот, переглянулся с Леей. Потом сказал:

– Я хочу быть вашим учеником, Эс-эН, но пока мне не удаётся соответствовать. Не знаю, как исправить ошибку?

– Как ему исправить? – Эс-эН поднял глаза на Лёню.

Лёня ответил без колебаний:

– Пятьдесят отжиманий.

Алекс с готовностью лёг на пол и приступил к отжиманиям. Конечно же, отжимался он неправильно, и не на кулаках, как положено, но все жё это было хоть что-то.

Лёня постеснялся сказать, но Эс-эН слишком был мягок с ними. Просто курорт, а не ученичество.

***

Вскоре Голубь попросил у Мастера паспорт для оформления каких-то бумаг. Эс-эН, не задавая лишних вопросов, дал ему свой зелёный узбекский паспорт с длинношейей птицей Хуммо на обложке.

– Это что такое? – спросил Голубь. – У вас нет гражданства?

– Нет, – Эс-эН пожал плечами. – Как-то не срослось.

– Это всё существенно осложнит, – посетовал Голубь.

– Так в чем же дело? Реши этот вопрос, – буднично распорядился Мастер.

Голубь кивнул головой:

– Сделаем.

И сделал же ведь.

Примерно через месяц новенький, с красной обложкой, с золотым двуглавым орлом, самый настоящий российский паспорт лежал на кухонном островке перед Эс-эНом.

– Вай, шайтан! – восхитился Мастер. – Как тебе это удалось?

Счастливый Голубь расправил крылья, выпятил грудь.

– Фирма веников не вяжет, сэнсэй, – гордо отвечивал он.

*Критерием продуктивности Воина является
не факт отсутствия трудностей,
а то, насколько безупречно он с ними справляется.
(из Кодекса Ученика)*

Глава 9 Ухо коменданта

Консьерж по-особому сиял. Сквозь его прозрачную улыбку я уловил извивающееся злорадство. Глаза над улыбкой горели холодным торжеством. Когда же Марта поворачивала ключ, дурные предчувствия зашелестели с придыханием в щелях и тёмных углах. Потянуло сквозняком.

Мы вошли. Я зажёл свет. Мастер сразу нацепил свои падишахские тапочки с загнутыми носками и въехал в них к себе в спальню. Мы направились на кухню, и только я включил чайник, как послышался голос Эс-эНа:

– Вы посмотрите на это! – в его интонациях присутствовали нотки, заставившие меня собраться.

Мы поспешили на его зов – дверь в ванную комнату распахнута, из стенного люка тоненьким, но бойким фонтанчиком хлещет вода. На полу уже образовалось приличное озерцо.

– Это что? – взволнованно произнесла Марта.

Прыжком через лужу я мгновенно добрался до люка и перекрыл воду.

– Это кармическая полиция, ребята. Костя, по твою душу, – изрек Мастер, усевшись на кровати и скрестив ноги. – Признавайся, что натворил?

Я едва сдержался, чтобы не нагрубить ему. Может, это вы натворили?

– Чёрт! Да вроде, ничего особенного, – гранитный монолит обреченности придавил меня к самому дну.

– Кармическая полиция взыскивает с нарушителя все, что тот задолжал пространству. Тут важно осознать, в чём загвоздка, что тебе предъявляют.

– Что же мне предъявляют? – вымолвил я.

– А вот и увидим, – ответил Эс-эН.

Раздался деликатный стук в дверь. Тот же самый консьерж, только теперь с аурой, как выстиранная ветошь, и с простецкой физиономией, сообщил мне, что вода весь день текла с потолка в холле, но жильцы пока ни на что не жаловались. Утром будет проведена детальная экспертиза и выставлен счет. Я кивнул, будем ждать. Если вода добралась аж до холла, сквозь девять этажей – это колоссальный ущерб! Мне вовек не рассчитаться.

Утром принесли конверт, не дыша, я разорвал его и не поверил своим глазам. На всякий случай пересчитал нули. Не может быть! Консьерж объяснил:

– Ни одна квартира не пострадала. Вода текла по шахте и выливалась только в вестибюле. Я радостно показал счёт Мастеру.

– Дао уберегло меня! Эс-эН, займите мне пятьдесят тысяч на две недели.

Эс-эН едва заметно качнул головой.

– Не все так просто, маэстро! Это твой урок. Выучи его.

– В каком смысле?

– Заплатить деньги – это ход обыденного ума. А ты человек Школы. Школа отвела от тебя возмездие, поэтому ты должен отработать ситуацию. Мы не станем платить, ты своими силами починишь потолок, – решил Эс-эН.

– Сэнсэй, я безнадёжный гуманитарий! Я не умею.

– Определю тебя к Осману в послушники. Он всё тебе покажет. Вместе вы быстро справитесь.

Меня словно заарканил коварный душитель тхуг, бесшумно подкравшийся сзади. Вот это шутэн! Что подумают соседи?

– Ос, – поклонился я.

***

Осман был опасен. В Ташкенте он преследовал Реву, хотел его убить. Ходили слухи, что из-за женщины. Но вмешался Эс-эН, и конфликт уладили.

Как-то в качестве воспитательной меры Осман разбил послушнице лицо ударом «ура-кен» лишь за то, что она флиртовала с ним, и довольно загадочно объяснил это школьным товарищам: лучше пусть она поплачет сейчас, чем мы будем оплакивать её потом.

В учебном поединке он чуть не воткнул Лёню Скакунова головой в пол. Лёня, извернувшись, спасся, а потом ходил и гордился, так как, по словам Мастера, это была *инициация*. Но однажды Осман допустил роковую ошибку – попёр быком на Эс-эНа.

– Пришлось сломать ему ногу, чтобы обозначить в его подсознании черту, за которую нельзя заходить, – рассказал Эс-эН. – В тот момент он узрел реальность, какая она есть.

В миру Осман был бригадиром ремонтников, что во многом определило рельеф его лексики. Хотя порой он мог выдать, например, такую сентенцию: бессмысленно искать истину в дискурсе, истина обретается в сердце.

Осман завёз все необходимые материалы: гипсокротон, шпаклёвку, инструменты. Мне пришлось общаться с завхозом. Тот оглядел нас и хмуро проворчал:

– Сами что ли делать будете? Смотрите не насрите здесь.

Мы смастерили козлы, занавесили рабочий участок. Мимо проходили рабочие из обслуживающего персонала. Все они усмехались, глядя на меня. Мол, никакой ты не жилец здесь! Ты такой же, как и мы пролетариат!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.